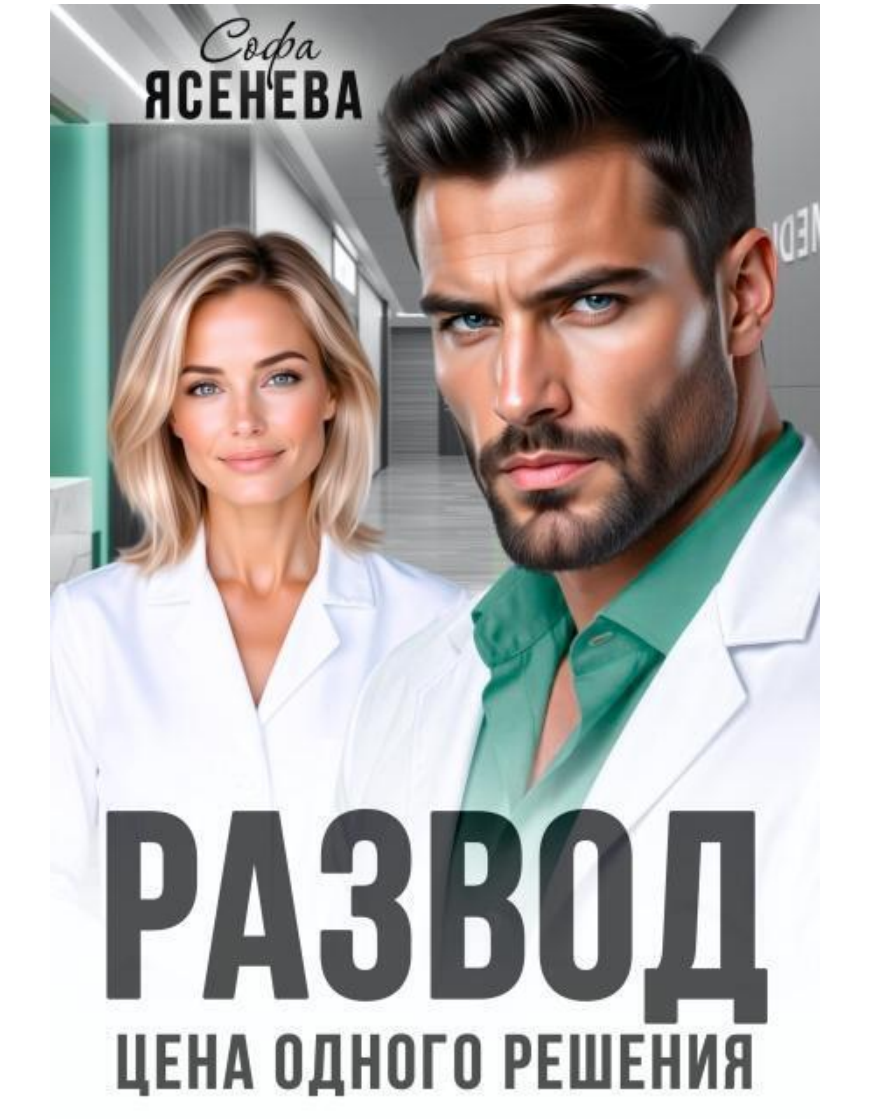

Софа
ЯСЕНЕВА

A man and a woman, both wearing white lab coats, are standing in a modern, brightly lit hallway. The man, on the right, has dark hair, a beard, and blue eyes, and is looking directly at the camera with a serious expression. The woman, on the left, has blonde hair and blue eyes, and is smiling slightly. The background shows a long hallway with large windows and a green pillar.

РАЗВОД

ЦЕНА ОДНОГО РЕШЕНИЯ

Софа Ясенева

Развод. Цена одного решения

<https://litres.ru/74384804>

Аннотация

Наш брак трещал по швам уже давно. Я убеждала себя, что это временно, что мы справимся. Пока в его жизни не появилась одноклассница с неожиданными “сюрпризами” и слишком личными сообщениями.

А в моей — ошибка, которую нельзя исправить.

Я — репродуктолог. Я помогаю женщинам стать матерями. Я всегда всё проверяю дважды. Всегда.

Но в тот день что-то пошло не так.

— Ты правда использовала в процедуре мою сперму?

— Я не знала об этом...

— Ну что ж, поздравляю. Насколько я знаю, твоя пациентка беременна.

И теперь я не знаю, что страшнее — потерять карьеру... или увидеть, как рушится всё, что я считала своей жизнью.

Книга участвует в литмобе "Врачебная ошибка"

Содержание

Глава 1 Ольга	4
Глава 2 Ольга	11
Визуализация	18
Глава 3 Ольга	21
Глава 4 Ольга	27
Глава 5 Ольга	37
Глава 6 Роман	46
Глава 7 Ольга	55
Глава 8 Ольга	66
Глава 9 Ольга	75
Глава 10 Ольга	84
Глава 11 Ольга	91
Глава 12 Ольга	99
Глава 13 Ольга	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Глава 1 Ольга

— Ольга Николаевна, у нас ЧП!

— Что случилось?

— Сперма пропала.

Это серьёзный инцидент, поэтому я выскальзываю из постели тихонько чтобы не разбудить мужа, и начинаю собираться в клинику. Рома переворачивается на другой бок, что-то неразборчиво бормочет во сне, и я замираю на секунду, прислушиваясь — не проснулся ли. Нет. Дышит ровно. Спит. Хорошо.

Я работаю репродуктологом, помогаю женщинам в их непростом пути. И слишком хорошо знаю, сколько боли, надежд и денег стоит каждая такая “пробирка”.

Пока натягиваю джинсы и накидываю пиджак прямо поверх домашней футболки, в голове уже прокручиваются сценарии один хуже другого. Ошибка маркировки? Человеческий фактор? Или, не дай бог, утечка...

Поскольку у нас есть оборудованный зал, где хранятся материалы пациентов: эмбрионы, яйцеклетки, сперма, — то любое внезапное исчезновение несёт серьёзные убытки, материальные и репутационные. Там всё под замками, с учётом, журналами, двойной проверкой.

Страшно представить, какой скандал будет, если мы не найдём нужный образец. Жалобы, проверки, лицензия... и

лица пациенток, которые верили, что именно здесь им помогут.

Бегу по коридорам клиники, не обращая внимания на взгляды. Ночная смена смотрит на меня с явным удивлением, не каждый день заведующая врывается в таком виде, без укладки, с напряжённым лицом. Не до них.

— Маш, чья? — первым делом спрашиваю, добравшись до хранилища.

Дверь тяжёлая, с кодовым замком. Внутри привычный холод, стерильный свет ламп, тихое гудение оборудования. И Маша — бледная, с застывшими руками, будто боится лишний раз что-то тронуть.

— Ольга Николаевна, вы только не волнуйтесь, — мнётся лаборантка, нервно теребя край перчатки.

— Уже волнуюсь. Не тяни, а. Надо срочно принять решение, что делать дальше.

Она сглатывает, отводит взгляд в сторону монитора, где открыт реестр.

— Тут такое дело... это была сперма Романа Николаевича.

Бум. Это моё сердце громко ударяется о рёбра. Так, что на секунду даже перехватывает дыхание.

Роман Николаевич Астафьев — мой муж и по совместительству заведующий отделением гинекологии. И да, его сперма, как и мои яйцеклетки, действительно хранятся у нас.

Дело в том, что мы давно решили, что в жизни может быть

всякое, и шансы иметь здоровых детей при использовании наших клеток, взятых в более молодом возрасте, выше. У нас нет никаких проблем со здоровьем в репродуктивном плане, так что это больше мера предосторожности. Профессиональная деформация, если хотите. Мы слишком много видим, чтобы верить, что с нами точно ничего не случится.

— Не могли случайно переместить? — голос натянут, как струна.

— Я проверила, не нашла. Все ячейки просмотрела. Журнал сверила. Что делать-то?

Маша на грани паники. Ещё бы, это её зона ответственности, и в случае чего первой с плеч слетит её голова. У неё даже губы побелели, и пальцы дрожат, хотя в помещении и так холодно.

— Иницируй проверку всех материалов, которые брали вчера. Проверь, все ли из них были введены по назначению, нет ли несовпадений. Подними записи, камеры, журналы — всё. Жду от тебя отчёт, скажем, через час.

— А если не успею?

— Постарайся, Маш. Если мы хотим избежать скандала, действовать надо быстро.

Она кивает часто и тут же бросается к компьютеру, щёлкая мышкой, листая таблицы.

Я решаю не ходить пока к нашему главврачу. Вполне возможно, что всё образуется. Я надеюсь на это. Очень надеюсь. Потому что если нет — это катастрофа.

И тем не менее, иду к кофемашине и делаю самый крепкий кофе из возможных. Аппарат долго шипит, будто издается, выдавая тонкую струйку, а мне хочется, чтобы это произошло быстрее, чтобы хоть что-то в этом утре поддавалось контролю.

Горячий стакан обжигает пальцы. Первый глоток — горький, почти невыносимый, но я даже не морщусь. Мне нужна максимальная концентрация. Сегодня плотный график, несколько ЭКО по плану. Хорошо, что даже в случае проблем с материалами спермы, ЭКО это не коснётся. Эмбрионы хранятся отдельно, а учёт их ведётся ещё строже. Там почти невозможно ошибиться.

Когда начинаю думать, что материалы моего мужа могли использовать для инсеминации, то есть введения в матку, другой женщине, выступает холодный пот.

Ладони становятся влажными, сердце начинает биться чаще, а в голове вспыхивает картинка — чужая пациентка, лежащая на кресле, и врач, спокойно выполняющий процедуру, не подозревая... или подозревая?

Нет. Нет.

Я резко ставлю стакан на стол, так что кофе чуть выплёскивается через край. Этого не могло случиться. У нас слишком жёсткий контроль. Слишком много проверок.

Но если всё-таки...

Сосредоточившись на плановых процедурах, возвращаясь к Маше только к концу рабочего дня вместо обещанного

часа.

День будто смазывается в один длинный, вязкий поток — лица пациенток, стерильный свет ламп, ровный голос ассистентов, привычные команды. Руки работают на автомате: проверить данные, подтвердить личность, сверить маркировку, кивнуть, начать. Я спокойна, уверенна, как всегда, и никто, конечно, не замечает, что внутри у меня всё время натянута тонкая, звенящая нить.

Пару раз ловлю себя на том, что перечитываю карточки дважды, трижды. Слишком внимательно. Слишком медленно. И каждый раз — облегчение: всё совпадает. Всё правильно. Всё под контролем.

Кроме одного.

К Маше добираюсь уже под вечер, когда коридоры начинают пустеть, а за окнами густеет сумрак. В кабинете горит только настольная лампа, и от этого всё выглядит ещё тревожнее.

— Ну что скажешь? Желательно хорошего.

Она сидит за столом, ссутулившись, как школьница перед выговором. Поднимает на меня глаза — красные, усталые.

— Олечка Николаевна, присядьте.

Подняв бровь, выполняю просьбу. Медленно опускаюсь на стул напротив, не отрывая от неё взгляда. А сама анализирую лихорадочно варианты.

— Я проверила всё, до последней пробирки и протокола. Не знаю, как такое могло произойти.

Она говорит тихо, срывающимся голосом.

— Да господи, Маша! — не выдерживаю. — Не тяни.

Она вздрагивает, кивает, снова начинает заламывать пальцы.

— Всё, простите. В общем, эээ...

Пауза тянется непозволительно долго. Я чувствую, как внутри нарастает раздражение, смешанное с тревогой.

— Маша.

— Вы... вы ввели её вчера пациентке. Тишковой Анастасии Евгеньевне.

Перед глазами мушки. Чёрные, плывущие пятна.

Я откидываюсь на спинку стула, оттягиваю ворот блузки, пытаюсь вдохнуть глубже, но воздух будто густеет, не проходит в лёгкие.

— Что... ты сейчас сказала?

Слова даются с трудом, сухо, почти шёпотом.

— Я подняла протоколы по вчерашним инсеминациям, сверила штрих-коды, журналы выдачи... Всё сходится. Образец с маркировкой Романа Николаевича был выдан на процедуру... и проведён вами.

— Нет. Этого не может быть. Я проверяла, как и всегда. Дважды.

Перед глазами всплывает вчерашний день: кабинет, пациентка, карточка, наклейка на пробирке, моя подпись. Всё чётко, по алгоритму.

— Может, ошибка в системе? Перепутаны коды? — хва-

таюсь за первое рациональное объяснение, цепляюсь за него, как за спасательный круг.

— Я проверила вручную. Бумажные журналы тоже. Там ваша подпись, Ольга Николаевна... и номер образца.

Тишина наваливается тяжёлой плитой. Слышно только гудение холодильной установки за стеной и моё собственное сбитое дыхание.

— Пациентка... — язык будто не слушается, — она кто?

— Плановая инсеминация. Донорский материал.

— То есть... — открываю глаза, смотрю на Машу в упор, — вместо донора...

Она кивает.

— Да.

— ...мой муж.

Мои хорошие,

Рада видеть вас в новинке!

Спасибо большое тем, кто поставит звездочку в карточке книги и подпишется на меня!

Ваша Софа

Глава 2 Ольга

Абсолютно точно я должна сообщить об инциденте главврачу. Это не обсуждается. А ещё пациентке и Роме. Мысленно я уже представляю, как меня вызывают в кабинет, как сухо зачитывают протокол, как отстраняют от работы — сначала временно, а потом... Я даже не довожу эту мысль до конца. От неё физически мутит.

Я мечтала об этом с детства и планомерно шла к своей цели. Не видела себя никем больше. Ни разу не сомневалась, когда поступала, когда сутками сидела над учебниками, когда брала ночные смены. Это была не просто работа — это была я. И сейчас всё это может закончиться из-за одной ошибки. Моей ошибки.

Остаётся надеяться, что Тишкова не будет жаловаться. Хотя давайте будем честны, если бы вам перепутали донорскую сперму в клинике, как бы вы отреагировали? То-то и оно. Мне конец.

Я молчу о том, что Роме тоже придётся рассказать. У нас и так в последнее время всё не очень гладко. Ссоримся, спорим по пустякам, цепляемся друг к другу за мелочи, которые раньше даже не замечали. Отдалились сильно. Иногда ловлю себя на мысли, что мы больше соседи, чем муж и жена. Ума не приложу, что происходит и как это изменить. И сейчас... сейчас я принесу в дом ещё и это.

Не хочу идти домой. Не знаю, что решит час отсрочки, но я хочу пройтись вокруг пруда в парке около дома. Нарочно не спешу, замедляя шаг, будто если идти медленнее, время тоже растянется и даст мне передышку.

Весна только начала вступать в свои права в полной мере. Воздух ещё прохладный, но уже пахнет землёй и талой водой. Первые листочки на деревьях уже появились, крошечные, светло-зелёные, почти прозрачные на солнце. Потеплело. Где-то смеются дети, по дорожке проезжает велосипедист, пара на лавочке тихо о чём-то разговаривает, склонившись друг к другу.

Я бы искренне наслаждалась природой, заметила первые цветы, поймала бы себя на мысли, что жизнь налаживается, что впереди тепло. Но всё портит происшествие на работе. Оно, как тяжёлый камень, тянет вниз, не даёт вдохнуть полной грудью.

Тревожно жуть как. Мышечные спазмы в руках заставляют ёжиться и потирать предплечья, словно пытаюсь согреться изнутри. Да и грудь сдавливает сильно, будто на неё положили что-то тяжёлое. Дышу неглубоко, часто, и это только усиливает ощущение нехватки воздуха.

Явиться в таком состоянии домой — всё равно что подписать себя на новый скандал, без вариантов. Рома сразу почувствует, что что-то не так. Он умеет это — считывать меня по взгляду, по интонации. И сейчас мне совершенно нечем от него закрыться.

Вибрация телефона в сумке заставляет меня остановиться посреди дорожки.

Как назло, он свалился на самое дно, под ключи, косметичку, какие-то чеки. Пальцы не слушаются, цепляются за всё подряд. Приходится остановиться окончательно и буквально нырнуть в сумку, чтобы выловить его.

Экран загорается.

— Да, Ром.

Стараюсь говорить ровно, но голос всё равно глухой, с хрипотцой.

— Ты собираешься домой? Рабочий день уже закончен.

Его голос спокойный, но в нём есть та самая натянутая нотка, которую я слишком хорошо знаю.

— Да.

— Планируешь что-то на ужин?

Я закрываю глаза на секунду, делаю вдох, пытаюсь подобрать нейтральный ответ. Любой, только не спровоцировать.

— Если честно, сегодня не хотела готовить.

Слышу в трубке возмущённое сопение. Да, Рома сдерживается, но это не мешает мне считывать его без слов. Я буквально вижу, как он сжимает челюсть, как напрягаются скулы.

— Понятно, — коротко бросает он. — Значит, снова что-нибудь закажем?

Вроде бы нейтрально, но за этим “снова” — целый пласт недовольства.

Я опускаю взгляд на воду в пруду. Лёгкая рябь, отражение фонарей, которые только начинают загораться. Всё спокойно.

— Да, можно, — тихо отвечаю.

И понимаю, что это самый обычный разговор. Самый бытовой. Но именно в нём уже чувствуется, как между нами всё натянуто до предела. И я сейчас принесу туда ещё одну проблему.

Закончив разговор, я ещё какое-то время стою на месте, глядя на потемневшую воду, а потом всё жедвигаюсь к дому. Шаги становятся медленнее, как будто я могу оттянуть момент, в котором придётся говорить. Сказать сразу — честнее. Правильнее. Но смогу ли? Или всё-таки сначала ужин, привычные бытовые фразы, а уже потом — как ножом по живому?

В подъезде пахнет чем-то жареным. Лифт едет слишком долго, скрипит, как назло.

Захожу домой, разуваюсь, аккуратно ставлю туфли на место.

Муж даже не выходит.

Конечно, мы виделись на работе. Но это не то. Дома — другое. Мне бы хотелось, чтобы он подошёл, обнял сзади, ткнулся носом в шею, как раньше. Спросил, как прошёл мой день. Просто был рядом.

А вместо этого — тишина. И это его демонстративное раздражение из-за того, что я не захотела готовить ужин.

Скидываю пиджак, провожу ладонями по лицу, будто стираю с него день, и иду на кухню.

Заглядываю — на столе коробки из доставки. Пицца. Жирные пятна уже проступили на картоне, запах тяжёлый, сырнй, пряный. Не самая здоровая еда.

— Ром, ты поел? — спрашиваю, не повышая голос.

Он где-то в комнате, и мне даже не нужно видеть его, чтобы представить, как он лежит или сидит, уткнувшись в ноутбук.

— Да.

Даже не подождал меня.

Казалось бы, что такого? Обычная мелочь. Но в последнее время я остро реагирую на такие вещи. Как будто каждая такая деталь — доказательство того, что я для него уже не на первом месте.

Опять пренебрежение. Ему сложно было поужинать вместе? Подождать полчаса? Или хотя бы сделать вид, что это важно?

Я поджимаю губы, открываю коробку, беру кусок, но есть не хочется. Желудок сжат в тугой комок.

Замечаю на столе рядом с коробками телефон. Рома забыл.

Странно. Он редко с ним расстаётся. Почти никогда.

Подхожу, чтобы взять его и отнести ему в комнату, но в этот момент экран загорается.

Рука, занесённая над ним, замирает.

Я не собиралась смотреть. Правда. Это просто привычное движение — взять и отнести. Но теперь взгляд сам падает на экран.

“У меня для тебя сюрприз. Встретимся?”

Сообщение короткое, лёгкое и игривое.

Контакт подписан как Настя Муравина.

Кто она? Пациентка? Коллега? Знакомая?

В груди неприятно тянет.

Совпадение? Глупость? Или...

Я сглатываю, беру телефон в руку. Экран гаснет почти сразу, пряча от меня продолжение.

Книга участвует в литмобе "Врачебная ошибка"

<https://litnet.com/shrt/khQw>

Визуализация

Ольга Астафьева, 30 лет

Врач-репродуктолог. Считает своей миссией делать так, чтобы каждая, кто к ней пришла, добилась своей цели - беременности.

Роман Астафьев, 35 лет

Врач-гинеколог, заведующий отделением гинекологии. В какой-то момент решил, что работа для него важнее семьи, и перестал вкладываться в неё, что привело к затяжному кризису.

Мои хорошие,

Сегодня в честь старта новинки у меня скидка на все завершённые книги 20%

Выберите что-то себе по вкусу

<https://litnet.com/shrt/xpar>

Глава 3 Ольга

Неужели всё ещё хуже, чем я думала?

Конечно, не замечать проблемы между нами я не могу. Они копились, медленно, почти незаметно: короткие ответы, усталые взгляды, раздражение из ничего. Но и то, что у Ромы может быть любовница, я себе представить не могла. Почему? Просто я доверяю ему. Мы ведь пять лет вместе. Пять лет — это же не просто срок, это привычки, общая жизнь, общие планы, куча пережитого вместе.

Нервно усмехаюсь. Тихо, почти беззвучно, но от этого не легче. Уверена, что практически каждая измена начинается как раз с этого — с непоколебимой уверенности жены в том, что муж её любит, ну или как минимум никуда от неё не денется. С того самого “с нами такого не случится”. Получается, я ничем не лучше тех, кто не видит ничего дальше собственного носа. Даже хуже — я врач. Я привыкла проверять, сомневаться, перепроверять. А тут... слепо верила.

Но сейчас игнорировать это сообщение я не буду. Пусть сначала объяснит, какие такие сюрпризы ему готовит какая-то Настенька. Слишком уж лёгкий тон, слишком личный. Мой сюрприз явно будет покруче, но едва ли приятным.

Я всё ещё держу его телефон в руках, чувствуя под пальцами гладкий холодный корпус. Пальцы немного дрожат, и я сама это замечаю — неприятное, неконтролируемое со-

стояние. Хочется открыть переписку, пролистать, убедиться, что это не то, о чём я думаю. Или, наоборот, убедиться, что именно то. Но я замираю. Потому что знаю: после этого назад дороги уже не будет.

То ли моя психика играет со мной злую шутку, то ли меня и правда волновали изначально рабочие проблемы, но только сейчас доходит, что Тишкова может забеременеть от моего мужа.

Мысль вспыхивает резко и тут же бьёт по вискам.

Оседаю на стул и закрываю рот ладонью, чтобы не вскрикнуть слишком громко. Воздух выходит рвано, с каким-то сипом, и я боюсь, что меня услышит Рома.

Мы с Анастасией Евгеньевной долго шли к этой процедуре. Не один месяц. Консультации, анализы, попытки, надежды, разочарования. Я помню, как она сидела напротив меня, сжимая сумку на коленях. У них с мужем никак не получалось забеременеть.

После тщательного обследования обоих выяснилось, что сперматозоиды её мужа практически нежизнеспособны. Подвижность минимальная, морфология плохая. Шансов почти нет.

Я предложила им все возможные варианты, разложила по полочкам плюсы и минусы, риски, проценты. И, честно говоря, удивилась их выбору. Обычно ЭКО даёт более высокий шанс беременности, особенно в их ситуации. Но они предпочли инсеминацию донорской спермой.

Это более дешёвый метод, с более низким процентом удачного исхода, но не требующий серьёзного вмешательства в организм женщины. Без стимуляции, без пункций, без наркоза. Более “естественный”, если так вообще можно сказать.

Я помню, как она кивала, слушая меня, как пыталась держаться спокойно, но в глазах всё равно читалась усталость. И надежда. Та самая, которую я обязана была оправдать.

Ужасно такое думать, но первая моя мысль была о том, что Тишкова не забеременеет с первой процедуры.

Я даже морщусь от самой себя. От этой циничной, холодной логики.

Вторая — что, поскольку шансы низкие, то, может, и вообще скрыть факт подмены материала? Просто... ничего не говорить. Ждать. Делать вид, что всё как обычно.

Но если всё вскрыется...

Меня лишат аккредитации.

И это будет не просто конец карьеры — это будет публичное падение. Скандал. Проверки. Суд.

От напряжения в висках начинает пульсировать боль. Она нарастает, будто кто-то изнутри медленно сжимает голову. Я провожу пальцами по вискам, пытаюсь хоть как-то унять это ощущение, но легче не становится.

И в какой-то момент я понимаю, что стою на грани сразу двух катастроф, профессиональной и личной.

— Оль, принесёшь телефон?

Ещё как принесу, дорогой.

Я поднимаюсь со стула медленно, давая себе лишние секунды, чтобы не сорваться раньше времени. Телефон в руке кажется тяжелее, чем должен быть, будто это не просто кусок пластика, а что-то гораздо более весомое. Сжимаю его до хруста, чувствуя, как впиваются в ладонь острые грани чехла.

Иду к Астафьеву, каждый шаг отдаётся в теле напряжением.

Он с безмятежным видом печатает что-то на ноутбуке. Экран освещает его лицо холодным светом, и в этом свете он кажется мне каким-то чужим.

Поворачивает голову и протягивает руку, даже не вставая.
— Давай. Надо позвонить кое-кому.

Кому именно, интересно?

Подхожу ближе, чувствую знакомый запах его парфюма, смешанный с чем-то домашним, тёплым, и от этого внутри только сильнее скручивает. Уже было подаю телефон, почти касаюсь его пальцев... но в последний момент отдёргиваю руку резко.

— Ты чего? — Рома поворачивается ко мне, хмурясь, и в голосе сразу появляется раздражение.

— Спросить тебя хочу.

Он выдыхает.

— Ну спрашивай.

— Ты со мной честен?

Я смотрю прямо на него, не моргая, стараясь уловить хоть малейшее изменение в выражении лица.

— Естественно.

— Уверен?

Он откидывается на спинку стула, раздражённо цокает языком.

— Да. Что за дурацкие вопросы? Давай уже телефон, говорю же, позвонить надо.

— Дам, когда договорим.

Я чуть крепче сжимаю пальцы на корпусе.

Недовольно рыкнув, он поворачивается ко мне полностью, ставит ноутбук в сторону. Взгляд становится жёстче.

— Ты решила мне делать мозги? Оль, у тебя ПМС что ли?

Очень удобно свалить всё на ПМС. Списать любые эмоции, любые вопросы на гормоны, на “женские штучки”.

Внутри поднимается волна злости.

— Давай чай тебе сделаю и шоколадку принесу? — добавляет он уже с явной иронией, уголок губ дёргается в улыбке.

— Лучше скажи мне, честный мой, кто такая Настя Муравина?

На секунду в комнате становится тихо. Даже слишком.

Он смотрит на меня, и я ловлю этот короткий момент заминки.

— И ради этого ты меня чуть ли к стулу не привязала и пытаться не начала?

Он пытается перевести всё в шутку, отмахнуться, как от

глупости. Но напряжение уже повисло в воздухе, и я его чувствую кожей.

Заметно расслабившись, Рома делится информацией:

— Одноклассница моя бывшая. Одиннадцать лет от звонка до звонка за одной партой. Неплохая девочка.

Заметив мой уничтожающий взгляд, осекается, слегка приподнимает руки, будто сдаётся.

— Была, по крайней мере.

Я не отвожу взгляд ни на секунду.

— И как давно вы с ней виделись в последний раз?

Он отводит взгляд в сторону, как будто вспоминает, но мне кажется, просто тянет время.

— На встрече одноклассников в прошлом году, в феврале.

— Тогда какой, чёрт возьми, сюрприз она может тебе приготовить?

Глава 4 Ольга

Рома встаёт и подходит ко мне. Крепко хватая меня за плечи и смотрит прямо в глаза. Его пальцы впиваются чуть сильнее, чем нужно, будто он не столько удерживает меня, сколько пытается зафиксировать этот момент, заставить меня не отводить взгляд.

— Давай, скажи всё, что думаешь, мне в лицо. Считаешь, я тебе изменяю?

От его близости становится только тяжелее дышать. Я чувствую его тепло, знакомый запах, и это почему-то ранит сильнее всего.

— А ты изменяешь? — растерянно переспрашиваю.

Мысль об этом кажется настолько ужасной, что меня начинает подташнивать. Она будто не помещается в голове, ломает привычную картину мира.

— Это ни в какие ворота, Оль. Я не давал тебе поводов подозревать меня в чём-то таком.

Он говорит жёстко, почти обиженно, но в этом есть и раздражение — явное, не скрываемое.

Астафьев перехватывает мою руку, в которой лежит телефон, и разгибает пальцы. Я даже не сопротивляюсь, слишком это неожиданно. Он выхватывает его и отходит к окну, словно ему нужно пространство, чтобы отгородиться от меня.

Свет уличных фонарей ложится на его лицо, делая его резче, чужим. Он быстро пролистывает сообщения, нахмурившись.

— Ты из-за этого? — вопросительно взмахивает мобильным.

— Считаешь, этого недостаточно? — голос предательски дрожит, хотя я изо всех сил стараюсь держаться.

— О таком спрашивают, Оля. Разговаривают, а не бросаются надуманными обвинениями.

— Знаешь, если бы у нас было всё хорошо, я бы, может, и пришла к тебе с вопросами, — делаю шаг вперёд, но он не двигается навстречу. — Но вспомни-ка, как давно в последний раз мы с тобой разговаривали спокойно? Не перекидывались бытовыми фразами, а именно разговаривали?

Он на секунду замирает, взгляд становится тяжёлым, но тут же уходит в сторону.

— Ты явно назначила меня виновным по всем фронтам. Я не собираюсь оправдываться.

— Какие оправдания? Я просто хочу поговорить.

Слова звучат тише, чем я рассчитывала. Уже без нажима, устало.

— Да поздно уже. Я устал и не хочу выяснять отношения.

С этими словами Рома кладёт телефон на подоконник, как будто разговор для него закончен окончательно, и выходит из комнаты.

Я остаюсь стоять посреди комнаты, не двигаясь.

Спустя пару секунд я слышу шорох воды в ванной. Сначала тихий, потом громче — он включает кран, и этот звук заполняет пустоту, которая вдруг становится слишком заметной.

Вот и поговорили.

Я медленно опускаюсь на край кровати, не отрывая взгляда от подоконника, где лежит его телефон. Всё внутри опустело.

Как это понимать?

Ощущение, будто он извернулся, как уж, так и не сказав ничего конкретного. Ни “да”, ни “нет”. Ни попытки убедить меня, ни желания успокоить. Просто... ушёл.

И от этого становится ещё тревожнее.

Может, всё-таки у него с этой Настей что-то есть?

Мысль прокатывается холодной волной по спине, заставляя поёжиться.

Я дожидаюсь, когда Рома освободит ванную, и закрываюсь в ней.

Сначала принимаю долгий контрастный душ, который всегда помогает мне справиться с усталостью. Горячая вода почти обжигает кожу, я стою под струями, опустив голову, и позволяю им стекать по лицу, по плечам, смывая неприятное ощущение дня. Потом резко переключаю на холодную. Несколько таких переходов — и мышцы начинают понемногу отпускать.

Затем привычно снимаю макияж, медленно, тщательно,

как будто от этого зависит хоть какой-то порядок в голове. Ватные диски, крем, сыворотка — автоматические движения, отточенные до мелочей.

Не знаю, удастся ли мне заснуть рядом с мужем. Я всегда очень близко к сердцу принимаю наши размолвки, и это неизбежно сказывается на моём сне, а затем и на работе. Поэтому я стараюсь не оставлять всё как есть, первая прихожу мириться. Иногда через силу, иногда проглатывая обиду, но прихожу.

Но не сегодня.

Сегодня работа и так высосала из меня все силы, и я не чувствую, что у меня хватит ресурса. Даже на разговор. Даже на попытку что-то сгладить. Да и по правде говоря, я не заслужила, чтобы со мной разговаривали так. В конце концов, что ему стоило прямо сказать, что он мне не изменяет?

Когда выхожу из ванной, в комнате уже темно, только экран его телефона освещает лицо холодным голубоватым светом.

Ложимся в кровать спина к спине. Он ещё долго копается в телефоне, пальцы быстро скользят по экрану. Я слышу тихие щелчки, редкие вибрации. Не оборачиваюсь. Не спрашиваю. Просто лежу, уставившись в темноту, и пытаюсь отключиться.

Сон не приходит сразу. Мысли крутятся по кругу: Настя, сообщение, его реакция, работа, Тишкова... Всё смешивается в один тугой узел, который не получается распутать.

Утро не меняет ничего.

Мы не разговариваем.

Собираемся синхронно, но молча. На работу едем молча. Я смотрю в окно, он — на дорогу. Между нами — глухая стена, которую ни один из нас не пытается разрушить.

В клинике я сразу иду к своей подруге, Марине, заведующей отделением репродуктологии. Единственный человек, с кем я сейчас могу хоть как-то выдохнуть.

— Марин, сделаешь кофе?

Она поднимает на меня взгляд из-за компьютера, прищуривается, оценивая моё состояние.

— Ага. И тебе доброе утро.

— Доброе... — отзываюсь я, усаживаясь на стул и потирая виски.

Она встаёт, включает кофемашину. Тихое жужжание, запах свежемолотого кофе быстро заполняет кабинет.

— Скажи, у тебя когда-нибудь было такое, что ты подозревала Олега в измене?

Марина замирает на секунду с чашкой в руках, потом медленно поворачивается ко мне.

— Блин, ну и вопросы с утра. Такое надо в баре обсуждать, за бокалом вина.

— Прости. Просто я на нервах.

Она ставит передо мной чашку, внимательно смотрит, уже без шуток.

— Ты думаешь, Астафьев пошёл налево?

Я усмехаюсь.

— Налево, направо или зигзагом, понятия не имею. Но есть подозрения.

Марина опирается бедром о стол, скрещивает руки на груди, явно включая режим “слушаю внимательно”.

— Ты же знаешь, у нас с Олегом далеко не сразу всё сложилось, мы оба с ого-го каким характером. Мы орали друг на друга, хлопали дверями, расходились почти... — она машет рукой, — но чтобы прям измена, такого не было.

— Понятно... — тихо говорю я, глядя в чашку, где медленно оседает пена.

— Но ты поделись со мной, что у вас произошло? Подумаем вместе.

Я делаю глоток кофе, обжигаюсь.

— Ему пишет одноклассница, что приготовила ему сюрприз.

— Это ещё не измена, — спокойно отвечает Марина.

— Знаю. Но подозрительно. Он сказал, они не виделись больше года. Тогда с какого перепуга сюрприз?

Я поднимаю на неё взгляд.

— Марин, я не хочу показаться истеричкой или паникёршей, но я уверена, тут что-то нечисто.

Марина сначала смотрит на меня скептически, потом вздыхает и, понизив голос, наклоняется ближе.

— Слушай, если ты реально переживаешь, можно аккуратно проверить. Не бегать же за ним по улице, как в дешё-

вом сериале. Это и глупо, и, скорее всего, ничего не даст. А вот телефон...

Я морщусь.

— Марин...

— Я понимаю, — она поднимает ладони, будто сдаётся, — это не самый красивый вариант. Но ты сейчас себя накручиваешь сильнее, чем есть на самом деле. Иногда лучше один раз посмотреть и либо успокоиться, либо...

Она не договаривает. И не надо.

— Либо подтвердить худшее, — заканчиваю за неё, глядя в остывающий кофе.

— Да. Но тогда ты хотя бы будешь знать, с чем имеешь дело.

Я долго молчу, прокручивая это в голове. Мысль неприятная. Я никогда не копалась в его телефоне. Даже когда были ссоры, даже когда было тяжело. Для меня это всегда была какая-то граница, которую переходят уже в отчаянии.

Похоже, я к этому отчаянию подошла вплотную.

— Ладно, — выдыхаю наконец. — Если он даст повод... я посмотрю.

— Только аккуратно. И не накручивай себя заранее, хорошо?

Хотела бы я.

Весь день проходит как в тумане. Я работаю, принимаю пациентов, киваю, объясняю, улыбаюсь. Мысли то и дело возвращаются к одному и тому же: сообщение, его реакция,

холод между нами... и та самая ошибка, которая висит над головой, как дамоклов меч.

Я решаю, что вечером всё выясню. Просто посмотрю его телефон, если будет возможность.

Главное — перестать жить в этом подвешенном состоянии.

Домой я прихожу раньше него. Это даже к лучшему. Я раскладываю вещи из сушилки, ставлю чайник, даже включаю свет в гостиной, создавая видимость уюта, который сама не чувствую.

Каждые несколько минут поглядываю на часы.

Обычно он приходит примерно в одно и то же время. Плюс-минус пятнадцать минут. Привычка.

Сегодня проходит полчаса — его нет.

Час.

Я начинаю нервничать. Сначала слегка, потом всё сильнее. Проверяю телефон — ни сообщений, ни пропущенных. Может, задержался на работе. Такое бывает.

Я пытаюсь себя успокоить, даже беру в руки книгу, но читаю одну и ту же строчку по пять раз и ничего не понимаю.

Проходит ещё час. Я уже хожу по квартире, не находя себе места.

Ни звонка, ни сообщения. И вот это уже не похоже на обычную задержку.

Сердце начинает биться быстрее, в висках снова появляется знакомая пульсация.

В голове сами собой складываются картинки. Одна хуже другой.

Дорогие читательницы,
В литмобе "Врачебная ошибка" вышла новинка
Анна Жукова "Развод. Анатомия Лжи"

<https://litnet.com/shrt/933L>

На экране увидела мужа, спящего на диване в своём кабинете, узнала кожаную спинку, стопку медицинских журналов на подлокотнике.

А рядом, обнимая его за торс, лежала молоденькая блондинистая девица, с голубыми глазами, которые смотрели прямо в камеру.

— Спасибо за подарок, милый, — прошептала она насмешливо. — Ты сказал, что купил его для «особенной». Вот я и решила показать его «особенной».

Она провела рукой по своей шее, и я увидела кольцо, точно такое же, как у меня, с сапфиром и бриллиантами, но камень был крупнее.

— Кстати, — она улыбнулась, обнажив ровные белые зубы, — то, что ты подарил жене — лишь копия. Оригинал у меня. Сладких снов, дорогая жёнушка.

Видео оборвалось.

Глава 5 Ольга

Стоит только Астафьеву наконец-то появиться в прихожей, я выхожу к нему и с явной претензией в голосе спрашиваю:

— Ты был с ней?

Он сбрасывает обувь, расстёгивает куртку, проводит рукой по волосам, которые чуть растрепались, и только потом бросает на меня короткий взгляд.

— Оля, не начинай, — отмахивается, раздеваясь, и идёт мыть руки. — Что на ужин?

Я стою в проходе, скрестив руки на груди, и провожаю его взглядом. Внутри всё ещё кипит раздражение.

— А ты его заслужил?

Он включает воду, подставляет руки под струю, какое-то время молчит, будто собираясь с мыслями или просто давая себе паузу, чтобы не вспылить в ответ.

— Я устал как собака, — наконец говорит он, не оборачиваясь. Голос глухой, уставший. — Под конец дня привезли с маточным кровотечением девушку. Свободен только я был, пришлось остаться и оперировать. Мне её что, надо было бросить, только чтобы ты меня ни в чём не заподозрила?

Слова звучат спокойно, но в них сквозит усталость и лёгкое раздражение.

Укол стыда накрывает мгновенно. Я чувствую, как лицо

начинает гореть, и отвожу взгляд, будто он может это заметить даже спиной.

Боже... Я уже успела накрутить себе целую историю. Представить, где он, с кем, почему не отвечает сразу. А ведь и правда — экстренные операции никто не отменял. Это его работа. Его реальность.

И мне даже в голову не пришло просто... проверить. Позвонить в клинику. Спросить.

Я прикусываю губу и делаю шаг ближе к кухне, чтобы хоть как-то сгладить неловкость.

— Кхм... как прошла операция?

Он выключает воду, вытирает руки полотенцем, оборачивается и наконец смотрит на меня прямо.

— Матку спасли, но кровопотеря большая была. В целом, удачно её доставили, ещё бы немного, и пришлось бы удалять.

Я невольно морщусь, представляя, через что прошла эта девушка.

— Молодая?

— Двадцать пять.

Молодая женщина. Наверняка нерожавшая. Я на секунду представляю себя на её месте, и по спине проходит холодок.

Хорошо, что Рома был там. Конечно, у нас много блестящих врачей, но он правда лучший. Я это знаю. И не только я.

Если он говорит, что всё прошло хорошо, значит, так оно и есть.

А я тут со своими наездами...

Становится неловко. Хочется как-то компенсировать, сгладить, переключить разговор на что-то более тёплое, домашнее.

— Картошка запечённая с розмарином и бёдра куриные в духовке. Будешь?

Он чуть заметно выдыхает и уголки губ приподнимаются.

— Спрашиваешь ещё, — усмехается. — Я слона готов съесть.

Я разворачиваюсь к кухне, достаю тарелки, раскладываю еду, стараясь не думать о том, как быстро я умею себя накрутить. Запах розмарина и запечённой курицы наполняет пространство, становится как-то уютнее.

Он садится за стол, опирается локтями.

И я вдруг ловлю себя на том, что просто смотрю на него, и мне становится стыдно ещё больше.

Мы едим почти молча. Не потому что сказать нечего — просто тишина сейчас какая-то... спокойная. Только редкие звуки — как стучит вилка о тарелку, как он отодвигает стакан, как я наливаю ему воды.

Я всё ещё чувствую вину за свой выпад в прихожей, и она не отпускает, поэтому стараюсь хоть как-то это сгладить. Подливаю ему чай, не спрашивая, пододвигаю ближе печенье, которое купила по дороге, хотя обычно он к сладкому равнодушен.

— Хочешь? — киваю на тарелку.

— Давай, — он берёт одно, откусывает, и я ловлю себя на том, что внимательно наблюдаю за его реакцией. — Нормально.

Нормально — уже хорошо.

Я киваю, будто это была какая-то проверка, и отвожу взгляд, чтобы не выглядеть слишком навязчиво.

Когда он доедает, я почти сразу встаю, собираю тарелки, стараясь двигаться быстро и без лишнего шума. Руки сами делают привычные движения — смахнуть крошки, поставить всё в раковину, открыть посудомойку.

Она у нас появилась не так давно, пару лет назад, но я уже не представляю, как раньше мыла всё это вручную каждый день. Особенно после таких вечеров, когда сил нет ни на что, кроме как просто сесть и закрыть глаза.

Я аккуратно расставляю тарелки, чашки, загружаю приборы, нажимаю кнопку.

Рома тем временем уже уходит в гостиную. Я слышу, как он включает телевизор, щёлкает пультом, устраивается на диване. Эти звуки — фон нашей жизни, к которому я привыкла настолько, что почти не замечаю.

Я остаюсь на кухне одна.

Опираюсь ладонями о столешницу, смотрю в одну точку и вдруг понимаю, что внутри снова начинает шевелиться это неприятное чувство.

Телефон. Он лежит в спальне. Я знаю это. Рома оставил его там, когда пришёл.

И теперь не могу отделаться от мысли, а вдруг я и правда всё надумала?

Сцены, подозрения, догадки... Я же уже сегодня ошиблась. Так была уверена, что он с ней, что даже не допустила другого варианта.

А если и остальное — из той же серии?

Я выпрямляюсь, медленно выдыхаю и провожу рукой по волосам.

Стоит ли проверять?

С одной стороны — глупо. Если я полезу в телефон, получается, не доверяю ему. Это та самая грань, за которую, кажется, лучше не заходить.

С другой — а если там действительно что-то есть? И я просто закрываю глаза?

Я стою на месте, не двигаясь.

В гостиной тихо бормочет телевизор. Рома, кажется, уже полностью погрузился в него. А я всё не могу решить, сделать этот шаг или оставить всё как есть.

Я не успокоюсь, если не узнаю точно. Эта мысль становится такой навязчивой, что заглушает все остальные. Я ведь не собираюсь копать во всём подряд. Мне нужна одна конкретная переписка. Один ответ.

Я даю себе это мысленное разрешение, как будто это что-то меняет, и иду в спальню.

Свет там приглушённый, только ночник у кровати даёт мягкое жёлтое пятно на потолке. Телефон лежит на тумбоч-

ке. На секунду замираю рядом, смотрю на него, как будто он может сейчас сам что-то сказать, избавить меня от необходимости делать выбор.

Но, конечно, нет.

Беру его в руки. Пальцы чуть холодные, и я сама это замечаю. Прикладываю к сканеру — экран тут же загорается, приветливо открываясь. Всё так просто, будто между нами нет никаких границ.

На заставке всё та же молекула ДНК, которую он поставил ещё давно. Я даже помню, как он объяснял, почему именно её. Что-то про красоту структуры, про порядок в хаосе. Тогда мне это казалось милым.

Открываю мессенджер и почти сразу нахожу нужное имя. Настя Муравина.

Ого... они переписывались.

Не просто одно-два сообщения. Диалог. Видно, что не сегодня начался. Пальцем провожу чуть вверх, и переписка послушно прокручивается.

Первые сообщения — сухие, почти деловые.

Но дальше тон меняется.

— Оль, бросай ты эту посуду, иди ко мне.

Испугавшись, блокирую экран и кладу телефон на место.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Врачебная ошибка" вышла новинка

Лера Корсика "Мой развод. История болезни"

<https://litnet.com/shrt/JUnb>

— Что здесь происходит? — я стояла на пороге спальни и во все глаза смотрела, как муж трогает руками мою обнаженную сестру...

А они в ответ — рассмеялись!

— Ну что, ты, глупая, придумала? Алена хочет сделать операцию. Кто если не я ей подскажет?

Мой муж — ведущий пластический хирург. Так уж вышло, что его работа — смотреть и трогать обнаженные тела каждый день. А меня эта мысль сводит с ума.

Засиделась в декрете? Ведь я тоже врач! Должна все понимать... Или мои страхи и опасения не так уж и беспочвенны?

Глава 6 Роман

Если за мной и водится какой грех, так это честолюбие. Я хочу достигнуть высот, которые не каждому удаётся покорить. Это не просто слова — я действительно живу этим. Поэтому провожу много времени вне работы, читая медицинские статьи, разбирая клинические случаи, изучая новые методы. Иногда ловлю себя на том, что засыпаю с планшетом в руках, перечитывая один и тот же абзац, но всё равно упрямо листаю дальше.

Я не просто гинеколог, но ещё и хирург. И это осознанный выбор. Принимать в качестве участкового женщин со стандартными проблемами вроде сбившегося цикла или молочницы никогда не было моей целью. Мне тесно в этом. Я хочу большего — сложных случаев, операций, решений, от которых реально что-то зависит. Именно поэтому выбрал область на стыке — гинекологию и хирургию. Где нужно думать, брать ответственность, рисковать.

И пока что всё идёт по плану. В профессиональном поле. Я расту, меня замечают, мне доверяют. Иногда даже слишком — дают пациентов, от которых другие отказываются. И я справляюсь. Это даёт ощущение, что всё не зря. Что те бессонные ночи, те отказы, та постоянная гонка — имеют смысл.

Не могу сказать того же о личном.

В последнее время я всё чаще замечаю, что мы с Олей здорово отдалились. Это не произошло в один момент. Скорее, медленно, как будто кто-то постепенно убирал из наших разговоров тепло, заменяя его бытовыми фразами и недосказанностью. Мне стало сложно понимать, чего она хочет. Раньше было проще, или мне так казалось.

Когда я звал её замуж, я не скрывал, что работа для меня на первом месте. Говорил это прямо, без прикрас. Не потому что не люблю её, наоборот. Просто я такой. И я не умею иначе. Поэтому мне искренне непонятны её претензии, что я уделяю ей мало времени.

Складывается ощущение, что она, как и многие люди, которые видят какой-то “договор”, подмахнула его не глядя, думая, что со временем всё само утрясётся. Или что она сможет меня под себя подстроить, перевоспитать. Но я уже тогда знал, чего хочу. И не собирался это менять.

Естественно, речь о простом разговоре, никаких брачных контрактов у нас нет. Но суть от этого не меняется.

Но разве это не глупо, соглашаться на то, что заведомо не устраивает?

В моей жизни до Оли было несколько девушек, которые предпочли найти себе перспективного и внимательного мужчину. Такого, который будет рядом, который сможет подстроиться под их ритм. Я их понимаю. И не осуждаю.

Так что я бы пережил её отказ.

Я её люблю, очень. Это не вызывает у меня сомнений. Ко-

гда думаю о ней, о нас, внутри всё равно что-то откликается, тянется. Так что дело не в том, что мне было бы всё равно. Просто я знал, что не каждая выберет для себя жизнь со мной.

И, возможно, не каждая выдержит.

Кстати, активизировавшаяся внезапно Настя, одноклассница, очень меня удивила.

Я до сих пор помню её смех, привычку закусывать губу, когда волнуется, как она писала мне записки на уроках. В школе мы встречались. Тогда всё казалось простым, понятным, почти детским. Но по мере того, как я всё больше времени уделял учёбе в меде, её чувства постепенно сошли на нет. Она отдалилась первой. Расстаться было её решением.

Я не держал её.

С тех пор мы практически не пересекались. Пара случайных лайков в соцсетях — не более. И вдруг это сообщение. Сюрприз. Встретимся.

До сих пор не понимаю, зачем она вдруг захотела встретиться. Ностальгия? Случайный порыв? Или что-то конкретное?

Но у меня пока что нет на это времени. И, если честно, желания разбираться — тоже.

Оле я не хочу рассказывать о нашем совместном прошлом. Она и так зацепилась за одно-единственное сообщение, раздула из него проблему. Я прекрасно видел её взгляд вчера. Напряжённый, подозрительный.

Представляю, какой скандал меня ждёт, если она узнает, что Настя — моя бывшая.

К тому же не просто бывшая. Мы были первыми друг у друга.

В общем, надо как-то успокоить Олю, чтобы она перестала себя накручивать. Я вижу, как она двигается — резче, чем обычно, как ставит посуду чуть громче, чем нужно. Это не просто усталость. Это напряжение, которое уже начинает меня раздражать.

— Оль, бросай ты эту посуду, иди ко мне.

Она не сразу реагирует. Решает, игнорировать или всё-таки подойти. Потом возвращается ко мне. Вся какая-то напряжённая, собранная, словно готова в любой момент снова отстраниться.

— Сделать тебе массаж?

Поднимает брови, смотрит с недоверием.

— Ого. Ты сегодня в настроении?

— Можно и так сказать.

Я стараюсь говорить легко, без нажима, будто это обычный вечер. Хотя сам понимаю — не обычный.

— С чего вдруг?

— Разве должна быть причина? Хочу сделать тебе приятно.

Она медлит, но всё же садится между моих ног на диван. Осторожно, как будто это не привычное движение, а что-то новое. Я кладу ладони ей на плечи и начинаю аккуратно раз-

минать мышцы.

Под пальцами чувствуется, насколько она зажата. Каменные плечи, напряжённая шея.

Обычно от такого массажа Оля едва ли не мурчит, как кошечка — расслабляется, прикрывает глаза, чуть наклоняет голову, подстраиваясь под мои руки.

Но сейчас ничего этого нет.

Она сидит ровно, почти не двигаясь, и я понимаю, что мои действия её не расслабляют. Вообще.

Я чуть усиливаю нажим, провожу большими пальцами вдоль позвоночника, стараясь попасть в те точки, которые обычно её “отпускают”. Бесполезно.

Когда тянусь и целую её в шею, привычно, мягко, она резко подскакивает на ноги.

— Мне надо... сделать кое-что.

— Ты же понимаешь, что я не обладаю телепатическими методами? — раздражение всё-таки прорывается наружу. — Если ты не расскажешь сама, в чём дело, я не догадаюсь.

Она стоит ко мне спиной, и я вижу, как у неё напрягаются плечи ещё сильнее.

— И не надо.

И уходит в ванную, закрывая за собой дверь.

Я остаюсь сидеть на диване, с опущенными руками, глядя в пустоту перед собой.

Ну и в чём я снова провинился?

Я прокручиваю в голове сегодняшний день, вчерашний,

последние недели. Где я мог перегнуть? Что сказать не так?

Ничего. Ничего из ряда вон. И от этого только сильнее бесит.

Потому что всё в Оле, и взгляды её колючие, и голос ледяной, и эта вечная напряжённость, указывает на то, что я серьёзно облажался.

Только вот где — я понятия не имею.

Наплевав на всё, я иду в кровать. Хоть посплю подольше. Сегодняшний день вымотал сильнее обычного, и, если честно, у меня уже нет ни сил, ни желания разбираться, что там у Оли в голове.

Я падаю на подушку, закрываю глаза, надеясь, что удастся быстро отключиться.

Но меня отвлекает вспыхнувший экран телефона. Я недовольно тянусь к нему, уже собираясь перевернуть экраном вниз и игнорировать, но взгляд всё-таки цепляется за имя.

Настя.

“Ну давай же, соглашайся. Только чашечка кофе, что тебе стоит? Не украду я тебя у жены. Да и ты в курсе, я тоже замужем. Можем встретиться в обед. Завтра в час устроит?”

Я некоторое время просто смотрю на сообщение, не открывая диалог.

Мы не общались нормально чёрт знает сколько лет, и вдруг — “давай же, соглашайся”. Будто у нас за плечами не школьный роман, а что-то гораздо более серьёзное.

Провожу большим пальцем по экрану, открываю перепис-

ку. Пара её предыдущих сообщений, такие же лёгкие, почти игривые.

Кофе. Просто кофе.

Казалось бы, что такого?

Но на фоне сегодняшнего — взгляда Оли, её вопросов, этой напряжённости — идея уже не выглядит такой безобидной.

С другой стороны... я ничего плохого не делаю.

Это не свидание. Не тайная встреча. Просто разговор с человеком из прошлого. Закрыть гештальт, как сейчас любят говорить. Узнать, что ей вообще нужно.

И, может быть, наконец поставить точку.

“Завтра не обещаю. Если будет окно — напишу”.

Смотрю на текст, хмурюсь. Удаляю.

Почему вообще я должен об этом думать?

Пишу проще:

“Давай в час”.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Врачебная ошибка" вышла новинка

Слава Богатых "Развод. Врачебная тайна моего мужа"

<https://litnet.com/shrt/NZ57>

— Сколько их у тебя было, Боря?! Две? Три? Тридцать?! Ты хоть счет им ведешь?!

— На семидесятой я сбился со счета, Вера. А чего ты ждала от гинеколога? Что я буду как доставщик пиццы: смотреть можно, а трогать нельзя?

— Нельзя! Ты давал клятву!

— Клятвы не разглядят твои морщины, дорогая. У меня на работе цветник, а дома гербарий.

— Какая же ты тварь, Золотарев! Я подаю на развод!

— Ты никуда не уйдешь, — его пальцы больно впиваются в мой подбородок.

Мой муж — блестящий врач и потрошитель женских сердец. Для него я больше не любимая женщина, а «завядший гербарий».

— Ты будешь сидеть и не рыпаться, пока я сам не решу выкинуть тебя на помойку.

Глава 7 Ольга

Я уже с утра на взводе.

Ромино поведение не даёт мне покоя со вчерашнего вечера. Его холодность, этот уход от ответа, раздражение — всё крутится в голове по кругу, не давая сосредоточиться ни на чём. Я ловлю себя на том, что подписываю документы, перечитывая их по три раза, потому что мысли ускользают.

Что, если я и правда накрутила себя?

Учитывая ситуацию с пациенткой, такое очень даже вероятно. Я и так на грани, любая мелочь может казаться угрозой. Тогда мне стоит притормозить с обвинениями. Не рубить с плеча.

Да и чисто теоретически, что может быть нужно однокласснице спустя больше чем пятнадцать лет?

Я пытаюсь рассуждать логически, отстранённо. Люди меняются. Жизнь меняется. Они оба уже не те, кем были в школе. Может, это правда просто глупая попытка поностальгировать.

Но внутри всё равно неприятно тянет.

— Это ведь глупо, да, что я ревную его к прошлому?

Я смотрю на Марину с надеждой, что она сейчас отмахнётся, скажет, что да, это бред, и мне станет легче.

Марина пожимает плечами, не спеша отвечать.

— Кто знает, Оль.

Она отпивает кофе, чуть морщится — остыл. Ставит чашку и смотрит на меня уже внимательнее.

— Конечно, гораздо честнее было бы сказать ему, что ты не хочешь, чтобы он с ней встречался.

— Мне кажется, он воспримет это в штыки, — тихо отвечаю, опуская взгляд. — А я не хочу ещё больше раскачивать ситуацию.

Марина фыркает, скрещивает руки на груди.

— Неужели ему одноклассница настолько близка, что он пойдёт против тебя? В конце концов, она ему никто. А ты — жена.

Я нервно усмехаюсь. Звучит логично, правильно, но почему-то не успокаивает.

— Да, но понимаешь... — мнусь, подбирая слова, — я ему не рассказала об ошибке с его материалом.

Марина резко выпрямляется.

— Нельзя тянуть, моя хорошая. А до Вадика дошла? — осторожно спрашивает она, уже заранее зная ответ.

— Тоже нет.

Марина резко всплёскивает руками, даже отходит на шаг, будто я только что сказала что-то совершенно немыслимое.

— О чём ты вообще думаешь? Прошло больше суток! Ты хоть представляешь, что будет?

Я отвожу взгляд, чувствуя, как внутри поднимается волна вины.

— Смутно. Со мной такого раньше не происходило.

И это правда. Я всегда держала всё под контролем.

— Вот бедовая, — выдыхает Марина, но в голосе уже меньше злости, больше тревоги. — Я поговорю с Артёмовым.

Она делает паузу, смотрит на меня жёстко, почти по-деловому.

— Но ты пойдёшь к нему прямо сейчас и всё расскажешь.

Я медленно киваю.

Вздыхаю, чувствуя, как тяжелеет в груди. Понимаю, что она права. Дальше тянуть нельзя. Уже одно то, что я промолчала сразу, вызовет подозрения.

И, возможно, гораздо большие проблемы, чем сама ошибка.

Я поднимаюсь со стула, поправляю халат, машинально приглаживаю волосы, хотя руки слегка дрожат.

Я иду к кабинету Вадима Николаевича как на эшафот.

Коридор кажется длиннее, лампы — ярче, шаги — громче. Люди вокруг живут своей обычной жизнью. А у меня ощущение, что всё это происходит где-то отдельно, за стеклом.

Я останавливаюсь у двери с табличкой «Главный врач. Артёмов В.Н.».

Рука висит в воздухе.

Стучу.

— Да, — доносится изнутри его привычный, ровный голос.

Открываю дверь и захожу.

Он сидит за столом, в очках, листает какие-то документы. Поднимает на меня взгляд, сначала нейтральный, потом чуть удивлённый.

— Ольга Николаевна? Что-то срочное?

— Да... — голос почему-то звучит тише, чем я рассчитывала. — Можно?

— Проходи, конечно, — он откладывает бумаги, снимает очки, жестом указывает на стул. — Садись.

Я закрываю за собой дверь, делаю несколько шагов и сажусь. Спина прямая, руки на коленях, пальцы сцеплены так, что побелели.

Он сразу это замечает.

— Что случилось?

Без лишних вступлений. И это, наверное, правильно.

Я делаю вдох.

— У нас... произошёл инцидент с биоматериалом.

Его взгляд мгновенно становится внимательнее. Жёстче.

— Какого рода?

— Вчера при проведении инсеминации... был использован не тот образец.

Он не перебивает, но я вижу, как у него меняется выражение лица.

— Продолжай, — тихо говорит он.

— Вместо донорской спермы... был использован образец, который не предназначался для этой пациентки.

— Чей?

Я сглатываю.

— Моего мужа.

Он откидывается на спинку кресла, пощипывает бороду, словно пытается переварить услышанное.

— Подожди... — медленно говорит он. — Ты сейчас серьёзно?

Я киваю.

— Да.

— Ты хочешь сказать, что ты... — он делает паузу, подбирая слова, — ввела пациентке сперму своего мужа?

— Я не знала об этом на момент процедуры, — быстро добавляю, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Произошла ошибка в хранилище.

Он резко подаётся вперёд.

— Какая, к чёрту, ошибка, Оля? У нас многоуровневая система контроля! Маркировка, двойная проверка, журнал выдачи!

Голос повышается, и от этого у меня внутри всё обрывается.

— Я понимаю, — тихо говорю я. — Я всё проверяла... как обычно.

— Значит, не всё, — жёстко перебивает он.

Я опускаю взгляд.

— Да.

Он встаёт, начинает ходить по кабинету, короткими, рез-

кими шагами.

— Когда это произошло?

— Вчера.

Он резко останавливается.

— Вчера?

— Да.

— И ты приходишь ко мне только сейчас?

Я поднимаю на него взгляд, и в этом взгляде, наверное, всё — и вина, и страх, и понимание, что я облажалась по полной.

— Я... проверяла. Думала, может, ошибка в учёте...

Он коротко выдыхает, явно сдерживаясь.

— Кому ты уже об этом рассказала?

— Лаборантке Маше. Она обнаружила несоответствие.

И... Марине.

— Всё?

— Да.

Он кивает, фиксирует это.

— Хорошо, что не разнесла по всей клинике, — сухо говорит он.

Я сжимаю пальцы сильнее.

— Вадим Николаевич...

Он поднимает руку, останавливая меня.

— Подожди. Дай мне подумать.

Снова начинает ходить. Медленнее теперь.

— Пациентка?

— Тишкова Анастасия Евгеньевна. Плановая инсеминация донорской спермой.

— Статус?

— Пока неизвестен. Результаты ещё нет.

Он кивает.

— Так.

Останавливается напротив меня, смотрит прямо в глаза.

— Ситуация крайне серьёзная, ты это понимаешь?

— Да.

— Это не просто врачебная ошибка, Оля. Это нарушение всех возможных протоколов. Юридические последствия могут быть... — он делает паузу, — очень тяжёлыми.

Я молчу. Потому что и так всё понимаю.

Он чуть смягчается, опирается руками о стол.

— Слушай внимательно. Сейчас у нас есть несколько задач.

Я киваю, стараясь не упустить ни слова.

— Первое. Максимально быстро и аккуратно перепроверить все документы, чтобы исключить любые дополнительные ошибки. Если это единичный случай — это уже плохо. Если нет — это катастрофа.

— Поняла.

— Второе. Нам нужно подготовиться к разговору с пациенткой. Самостоятельно ты к ней не идёшь. Поняла?

— Да.

— Это будет совместное решение, с юристом. Мы не име-

ем права сейчас действовать на эмоциях.

У меня внутри всё холодеет.

— Третье, — продолжает он, — твой муж.

Он смотрит на меня чуть дольше.

— Он знает?

— Нет.

— Придётся сказать.

Я киваю, хотя внутри всё сжимается.

— И последнее.

Он делает паузу, явно подбирая слова.

— Я постараюсь сделать всё, чтобы минимизировать последствия. Но ты должна понимать...

Он замолкает на секунду, и в этом молчании гораздо больше, чем в любых словах.

— Всё очень серьёзно, Оля.

Я смотрю на него и понимаю, что он сейчас старается говорить мягче. Потому что знает меня давно. Потому что понимает, как для меня важна работа.

Но суть от этого не меняется.

Всё очень плохо.

— Вадим Николаевич, давайте проведём тщательную проверку? Не может такого быть, чтобы я перепутала что-то.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Врачебная ошибка" вышла новинка

Ольга Игонина "Диагноз: развод (не)избежен!"

<https://litnet.com/shrt/A8XE>

О
ИГО

- Лер, это не то, что ты думаешь! Я потом тебе все объясню. Сама понимаешь, сейчас счет идет на минуты!

Муж отворачивается от меня.

- Не то? - я киваю на коридор, где только что скрылась девушка в мятом платье и со стрелкой на колготках. - Тогда что? Плановая консультация в ночную смену?

- Я должен думать о другом! Если я сейчас я ошибусь, твой пациент умрет. Понимаешь? - он стоит у раковины, смывая чужую помаду перед операцией. - Я потом тебе все объясню. Я... я не знал, что ты приедешь

Этой ночью я привезла в больницу тяжелого пациента и нашла своего мужа, хирурга, в ординаторской с другой женщиной.

Я спасла чужую жизнь, но наш брак уже не спасти, только развод!

Глава 8 Ольга

Хоть наш главврач и справедливый руководитель, но я чувствую уже сейчас, что тратить время на какие-то расследования ему не очень хочется. Он не говорит этого прямо, не обесценивает, но в его взгляде, в интонациях, в том, как быстро он переключается на варианты решения, это читается слишком отчётливо.

В его картине мира всё уже сложилось.

Случившееся — моя ошибка. Не доглядела, не проверила, отвлеклась. Где-то пропустила шаг, который обязана была выполнить.

И при таком раскладе понятно, что если он и согласится на проверку, то она будет скорее для галочки, чем реально что-то выявит. Формальность. Чтобы было чем прикрыться, если дойдёт до разбирательств.

А мне этого мало.

Мне нужно понять, что произошло на самом деле.

Стоит ли говорить о том, в каком я состоянии?

Я не могу нормально есть — еда кажется безвкусной. Не могу спать — засыпаю под утро, а потом просыпаюсь через пару часов с тяжёлой головой и ощущением, будто и не спала вовсе.

Думать тоже не получается. Вернее, получается только об одном. Я прокручиваю тот день и ту конкретную процедуру

раз за разом.

Кабинет. Пациентка. Пробирка. Маркировка. Мои руки. Мои действия. Снова и снова.

Я буквально вижу это перед глазами, как запись на повторе. Останавливаю, возвращаю назад, ищу момент, где могла ошибиться. Где могла перепутать. Где отвлечься.

И не нахожу. Абсолютно точно я не совершала ошибок.

Но как это доказать? Слова здесь ничего не стоят. Нужны факты.

Единственный шанс — как-то выяснить, кто мог подменить пробирки.

Я встаю из-за стола, начинаю ходить по кабинету, стараясь выстроить в голове цепочку. Доступ к хранилищу есть только у персонала. Да и то у очень ограниченного количества тех, кто имеет пропуск.

Грубо говоря — наше отделение репродуктологии. Свои. От этой мысли становится особенно неприятно.

Под каждым перемещением образцов расписывается ответственный за процедуру. Всё фиксируется: кто взял, когда, для какой манипуляции.

Надо взять журнал и тщательно изучить. Информация дублируется в компьютере и в специальной тетради — старой, исписанной, но надёжной. Там обычно всё сходится до мелочей.

Если где-то есть несостыковка — я её найду. Должна найти. Потому что иначе...

Я останавливаюсь, упираясь ладонями в стол, и на секунду закрываю глаза.

Иначе мне придётся признать, что это действительно была моя ошибка.

Я резко выпрямляюсь. Сначала факты. Потом выводы.

С чего начать — понятно.

А пока что надо бы назначить Тишковой приём и сообщить дату и время Артёмову.

От одной только мысли о предстоящем разговоре с ней внутри всё сжимается. Но откладывать больше нельзя.

Я некоторое время просто смотрю на экран телефона, прежде чем набрать номер.

Как сказать? Какими словами?

“Придите раньше, у меня для вас плохие новости” — так, что ли?

Я медленно выдыхаю. Голос должен быть спокойным. Ровным.

Нахожу в контактах: Тишкова Анастасия Евгеньевна.

Нажимаю вызов.

— Алло? — её голос немного настороженный.

— Анастасия Евгеньевна, добрый день. Это Ольга Николаевна, из клиники.

— Ой, здравствуйте... — она сразу оживляется, и в этом “ой” столько ожидания. — Что-то по поводу анализа?

Я на секунду закрываю глаза.

— Нет-нет, не переживайте, — быстро добавляю, стара-

ясь смягчить интонацию. — Я хотела уточнить, сможете ли вы прийти чуть раньше назначенного приёма.

— А... что-то случилось?

Конечно, она волнуется. Любой бы на её месте волновался.

— Нет, ничего критичного. Просто хочу обсудить с вами некоторые моменты по процедуре. Это стандартная практика, не переживайте.

Я осторожно подбираю слова.

— Точно? — она не отпускает. — Просто... плановый приём же уже назначен.

— Понимаю, — киваю, хотя она этого не видит. — Но в вашем случае я бы хотела уделить чуть больше времени, чтобы всё подробно обсудить. Ничего срочного или опасного, честно.

Она вздыхает.

— Хорошо... когда вы хотите, чтобы я пришла?

Я быстро открываю расписание, хотя уже примерно понимаю, куда её поставить.

— Скажите, вам удобно завтра около шести вечера?

— Завтра... — она колеблется. — Да, в принципе, могу отпроситься пораньше.

— Отлично. Тогда давайте на шесть, — стараюсь, чтобы голос звучал уверенно, будто это обычный рабочий момент.

— Я вас буду ждать.

— Хорошо. Ольга Николаевна... — она снова делает па-

узу, и в голосе уже отчётливо слышится тревога. — Вы уверены, что всё в порядке?

— Да, — отвечаю после короткой паузы. — Всё под контролем. Не переживайте раньше времени.

Ненавижу себя за эту фразу.

— Ладно... тогда до завтра.

— До встречи.

Я сбрасываю вызов и ещё несколько секунд держу телефон у уха, потом медленно опускаю руку.

Это только первый этап, а я уже извела себя. Самое тяжёлое предстоит завтра.

Сегодня надо всё-таки поговорить с Ромой.

Мысль об этом давит с самого утра, не отпускает ни на минуту. Я пытаюсь отложить, найти повод перенести разговор хотя бы на завтра, но понимаю — дальше тянуть нельзя. Иначе это уже будет не просто ошибка, а откровенная ложь.

Сообщить пациентке раньше, чем собственному мужу... даже звучит неправильно.

Я возвращаюсь домой раньше него, не включаю сразу свет во всей квартире. Оставляю только приглушённый в кухне. Тишина какая-то вязкая, плотная.

Хожу из комнаты в комнату, не находя себе места. Хочется, чтобы он просто пришёл. Сам.

И чтобы всё это оказалось проще, чем есть на самом деле. Когда наконец слышу звук открывающейся двери, выхожу встретить его.

Рома заходит, скидывает обувь, проходит вглубь квартиры. По движениям видно — взвинченный. Челюсть сжата, плечи напряжены.

— Привет, — говорю осторожно, выходя в коридор.

— Угу, — бросает он, даже не глядя на меня.

Проходит мимо, будто меня и нет.

Я на секунду застываю, потом иду следом.

— Как день прошёл?

Он останавливается у стола, кладёт ключи.

— Нормально.

И всё.

— Что значит “нормально”?

— Работа как работа, Оль, — он проводит рукой по волосам, явно раздражённый. — Без сюрпризов.

Я усмехаюсь про себя. Без сюрпризов. Если бы он только знал.

— Понятно... Я хотела с тобой кое-что обсудить.

Он закатывает глаза, даже не пытаясь это скрыть.

— Оль, давай не сегодня, а? Я устал.

— Это важно.

— Угу, конечно, — он уже открывает холодильник, будто разговор закончен.

Я больше не могу ждать.

— Ром.

Он не оборачивается.

— Рома.

Теперь голос звучит жёстче.

Он всё-таки поворачивается, хмурясь.

— Что?

Я делаю шаг вперёд, смотрю прямо на него.

— Сядь.

— Что? — он даже усмехается, не веря.

— Сядь, пожалуйста, — повторяю уже спокойнее, но твёрдо. — Мне нужно, чтобы ты меня выслушал.

Он некоторое время смотрит на меня, оценивая, насколько я серьёзна. И, видимо, что-то в моём лице его всё-таки останавливает.

— Оль, если это опять...

Дорогие читательницы,

В литмобе "Врачебная ошибка" вышла новинка

Агата Ковальская "Развод. И жили они долго... но не вместе"

<https://litnet.com/shrt/wvDa>

KOBA

... – Вы веселые, – горько усмехнулась я, – Вам весело даже тогда, когда ваши близкие плачут от боли... Лель, ну ладно – папа. Он мужчина, у которого... крышу снесло от собственной “крутости”, но ты?! Ты тоже его поддерживаешь? – Я хотела спросить: “А я для тебя кто, Лель?” — но не спросила. Потому что боялась ответа. – Лен, отстань от девочки, – бросил мне Андрей, – Она тут ни при чем. – Именно, что ни при чем. – кивнула я, – Но ты зачем-то втянул ее в эту... грязь. Как ты мог? Зачем, Андрей?

Идеальное утро. Завтрак на террасе. Пионы в вазе. И слова мужа: "Я подаю на развод". Но хуже всего не это. Хуже, когда дочь, усмехнувшись, уходит с ним.

Глава 9 Ольга

— Стой. Просто помолчи сейчас. Мне и так непросто.

Рома уже открывает рот, но осекается, сжимает челюсть и откидывается на спинку стула. Взгляд становится тяжёлым, нетерпеливым. Он явно готовится услышать что-то неприятное, но, кажется, даже близко не представляет, насколько.

— У нас случилось кое-что с твоей спермой, — слова даются с усилием, я их буквально выталкиваю из себя. — По ошибке её использовали при проведении инсеминации пациентке.

— Каким образом, Оль? Это же исключено.

— Да, я понимаю, — быстро киваю. — Обычно такого не происходит. Я всё перепроверяла. Обнаружили это только на следующее утро.

Его лицо меняется. Резко.

— Тогда зачем ты тянула? — в голосе уже слышится раздражение. — Не могла сказать сразу?

Я опускаю взгляд, чувствуя, как к горлу подкатывает тяжесть.

— Прости...

Это звучит жалко даже для меня самой.

— Полный пи*дец!

Он резко встаёт, стул с глухим скрежетом отъезжает назад. Я вздрагиваю.

Рома идёт к бару, открывает его слишком резко. Достает бутылку коньяка не глядя, хватая первую попавшуюся стопку. Наливает почти до краёв, рука чуть дрожит.

И сразу же выпивает. Даже не морщится.

Я же как статуя, не двигаюсь, только слежу за каждым его движением.

Он ставит стопку обратно, сжимает пальцами край стола, потом снова поворачивается ко мне.

— Пациентка в курсе?

— Ещё нет. Но завтра у нас с ней встреча. Будет Артёмов. Постараемся уговорить её не подавать в суд.

Он коротко усмехается.

— Нам очень повезёт, если она решит замять ситуацию.

Я молчу, потому что понимаю — он прав.

— Вдруг они хотели определённого донора?

— Хотели, — тихо отвечаю, опускаясь на стул. Сил стоять уже нет. — Тщательно выбирали.

Перед глазами всплывает лицо Анастасии, её внимательность, вопросы, сомнения.

— Она пересмотрела каталоги вдоль и поперёк раз сто...

Голос срывается.

Рома проводит рукой по волосам, начинает ходить по кухне короткими шагами, как в кабинете у Артёмова.

— То есть ты хочешь сказать, что какая-то женщина сейчас может забеременеть от меня?

Я поднимаю на него взгляд.

— Да.

Он останавливается.

— Охренеть, — выдыхает, но без эмоций. Слишком спокойно. — И какие шансы по твоим оценкам? — спрашивает спустя секунду, уже более собранно.

Я автоматически включаюсь, как врач.

— Ниже, чем при ЭКО. Это инсеминация. Но шанс есть.

— Конкретнее.

— Около десяти-пятнадцати процентов за цикл... — говорю и сама ненавижу эти цифры.

Он усмехается, качает головой.

— То есть лотерея.

— Да...

Он наливает себе ещё. Не пьёт сразу, держит стопку в руке, глядя в неё, будто там ответы.

— И ты уверена, что это ошибка? — вдруг спрашивает, не поднимая глаз.

— Что ты имеешь в виду?

Он поднимает на меня взгляд. Острый.

— Я имею в виду, что ты уверена, что это не чей-то... интерес?

— Ты думаешь, кто-то специально...?

— Я ничего не думаю, Оль, — резко перебивает он. — Я пытаюсь понять, как такое вообще возможно.

Я сжимаю пальцы на краю стола.

— Я тоже.

Он делает глоток, на этот раз медленно, будто растягивая.
— И что дальше? — спрашивает уже тише.

— Завтра встреча с пациенткой. Потом... — я запинаюсь.

— Потом будем действовать по ситуации.

— По ситуации... — повторяет он, будто пробует эти слова на вкус.

Ставит стопку, упирается ладонями в стол, наклоняясь вперёд.

— Оль, ты понимаешь, что я не хочу, чтобы она знала, кто биологический отец?

В его голосе появляется жёсткость. Та самая, с которой он обычно принимает решения на работе. Без лишних эмоций, но так, что сразу понятно — это не обсуждается.

Я на секунду отвожу взгляд, собираясь с мыслями.

— Я тебя слышала. Мы можем оставить эту информацию конфиденциальной.

Он внимательно смотрит на меня, будто проверяет, не пытаюсь ли я его сейчас успокоить словами, за которыми ничего нет.

— Только в случае, если обойдётся без суда.

— Да, — киваю, чувствуя, как внутри снова неприятно сжимается.

— Так сделайте всё, чтобы так и было.

Он произносит это без нажима, но я всё равно воспринимаю как указание. Как задачу.

Я опускаю взгляд на стол, провожу пальцем по едва замет-

ной царапине на поверхности, чтобы хоть куда-то деть руки.

Тишкова вполне может захотеть узнать, кто донор. Это логично. Более чем. Особенно если всё вскроется. После того, как она так тщательно выбирала, изучала анкеты, характеристики, фотографии...

И в то же время я понимаю Рому.

Любой на его месте не хотел бы оказаться в ситуации, где где-то существует ребёнок от него — и при этом эта информация становится достоянием постороннего человека. Или, что ещё хуже, выходит за пределы клиники.

— В целом, такие процедуры и так предполагают анонимность, — говорю уже более собранно, включая профессиональную часть себя. — Донор не раскрывается пациентке. Это стандартная практика.

Рома кивает, но не расслабляется.

— Значит, держитесь этого.

— Проблема в том, что здесь не стандартная ситуация, — тихо добавляю. — Если дойдёт до разбирательств, пациентка может требовать полную информацию.

Я поднимаю на него взгляд.

— Мы постараемся всё решить до этого. Вадим Николаевич подключит юриста, мы будем разговаривать с ней аккуратно.=

Я понимаю, что звучит это слабо. Но лучше сейчас у меня ничего нет.

Он отталкивается от стола, проходит к окну, на секунду

замирает, глядя куда-то в темноту.

— Оль, — говорит он, не оборачиваясь, — ты должна понимать: если это всплывёт, это ударит не только по тебе.

Я сжимаю пальцы.

— Я понимаю.

— По мне. По клинике. По всем.

— Я понимаю, Ром.

Он оборачивается, смотрит прямо на меня.

— Тогда сделай так, чтобы этого не случилось.

Я киваю, хотя внутри всё протестует от этой формулировки.

Сделай так, чтобы не случилось. Если бы это было так просто.

Но вслух я этого не говорю. Только опускаю взгляд и тихо добавляю:

— Я попробую.

И в этот момент особенно остро ощущаю, что “попробую” — это катастрофически мало для той ситуации, в которую мы попали.

До встречи с Тишковой остаётся минут двадцать, и я понимаю, что если ещё хоть секунду проведу в кабинете, просто сойду с ума.

Документы лежат передо мной аккуратной стопкой, всё подготовлено, проверено по несколько раз, но толку от этого никакого. Внутри всё равно хаос.

Я встаю, беру телефон и, не раздумывая, выхожу из кабинета. Прохожу по коридору, игнорируя взгляды, спускаюсь по лестнице и выхожу на задний двор клиники.

Здесь почти всегда пусто. Только служебный вход, несколько мусорных контейнеров в стороне и узкая дорожка, уходящая вдоль здания.

Воздух прохладный, свежий. Я делаю глубокий вдох, потом ещё один.

Сердце всё равно колотится.

— Оль?

Я оборачиваюсь.

Паша, наш анестезиолог, стоит у стены. В одной руке сигарета, в другой телефон. Смотрит на меня с лёгким удивлением.

— Ты чего тут?

Я подхожу ближе, не очень понимая, что именно делаю.

— Дай сигарету.

— Чего?

— Сигарету, Паш, — повторяю уже тише. — Пожалуйста.

Он всё ещё смотрит на меня странно, но всё-таки достаёт пачку, протягивает. Я вытаскиваю одну, неловко держу её в пальцах.

Паша щёлкает зажигалкой, подносит огонь.

— Оль, ты же не куришь.

— Сегодня надо, Паш.

Он ничего не говорит, только чуть хмурится.

Я наклоняюсь, поджигаю сигарету, делаю первую затяжку и тут же закашливаюсь.

Резко, надрывно, до слёз в глазах.

— Твою ж... — Паша усмехается, — аккуратнее.

Я машу рукой, пытаюсь отдышаться. Горло жжёт так, будто я проглотила огонь. Глаза щиплет.

— Нормально... — выдавливаю, когда кашель немного отпускает.

Делаю ещё одну, более осторожную затяжку.

Жжение всё равно сильное, неприятное, но в этом есть что-то... отвлекающее. Как будто боль снаружи на секунду перекрывает ту, что внутри.

Я опираюсь спиной о холодную стену, закрываю глаза.

— Всё так плохо? — тихо спрашивает Паша.

— Ты даже не представляешь.

Он не лезет с расспросами. И за это я ему сейчас благодарна больше всего.

Я докуриваю, как могу, оставляя половину — больше не лезет. Тушу сигарету в урне, отмечая запах на себе, который, кажется, вьелся сразу намертво.

— Спасибо.

— Обращайся, — отвечает он, всё ещё глядя на меня внимательно.

Я киваю и, не задерживаясь больше, возвращаюсь внутрь.

Поднимаюсь по лестнице медленно, чувствуя, как с каждым шагом внутри снова нарастает напряжение.

Подхожу к своему кабинету — и сразу вижу Анастасию Евгеньевну. Она сидит на стуле у двери, аккуратно сложив руки на коленях. В пальцах сжимает сумку.

Поднимает на меня взгляд, и в нём столько ожидания и тревоги, что у меня на секунду сбивается дыхание.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна... — говорит она, вставая.

Дорогие читательницы,
В литмобе "Врачебная ошибка" вышла новинка
Ева Лавина "Развод. Анатомия мести"

<https://litnet.com/shrt/v-k1>

— Дим, наша дочь старше твоей любовницы. Ты с ума сошёл?

— Нет, я был не в себе, когда обещал состариться рядом с тобой! С тобой можно только умереть от скуки!

Муж назвал меня старой и никому ненужной, решив вычеркнуть из своей жизни после двадцати четырёх лет брака. Но жизнь очень странная штука. Не повезло как раз ему!

Глава 10 Ольга

Это первый мой опыт подобного разговора, поэтому я благодарна Артёмову, что он не оставил меня беседовать с Тишковой тет-а-тет.

Но в кабинете его ещё нет. Опаздывает.

И это ожидание тянется мучительно долго, хотя на деле проходит, наверное, не больше минуты.

Взгляды Анастасии Евгеньевны недвусмысленно дают понять, что она сейчас не в том состоянии, чтобы ждать дольше пары секунд. Пальцы вцепились в ручки сумки так, что побелели костяшки. Губы сжаты, взгляд мечется по кабинету и каждый раз возвращается ко мне.

Она уже всё чувствует.

— Присаживайтесь, — предлагаю ей, просто пытаюсь хоть как-то структурировать происходящее. — Чай, кофе? Воды...

Голос звучит чужим, слишком ровным.

— Воды, пожалуйста.

Я киваю и сбегая из кабинета к кулеру.

Пока наливаю воду, ловлю своё отражение в стеклянной панели — бледная, глаза напряжённые, губы сжаты.

“Соберись. Просто скажи. Ты врач. Ты обязана”, — мысленно проговариваю, будто это может помочь.

Я действительно репетировала этот разговор вечером.

Проговаривала фразы, подбирала формулировки, пыталась найти баланс между честностью и осторожностью.

Но сейчас всё это рассыпается. Ни одна из заготовленных фраз не кажется подходящей. Все они слишком сухие и жёсткие.

Я беру стакан, делаю короткий вдох и возвращаюсь в кабинет. Протягиваю Тишковой воду. Она берёт её двумя руками, будто боится уронить, и сразу делает глоток.

Стекло тихо звякает о её зубы.

Я невольно задерживаю на этом взгляд.

Нда. Не я одна на взводе.

— Спасибо... — шепчет она, ставя стакан на стол, но пальцы всё равно не отпускают его до конца.

Я сажусь напротив, чувствую, как сердце начинает биться быстрее. Сейчас. Вот сейчас надо начинать.

Открываю рот, но не успеваю ничего сказать. Дверь открывается.

— Простите, Ольга Николаевна, Анастасия Евгеньевна. Задержал срочный вопрос.

Артёмов заходит быстро. Взгляд сразу цепкий, оценивающий. Он коротко кивает мне — едва заметно, но я понимаю: держись.

Он проходит к окну, на секунду задерживается там, будто давая нам всем возможность выдохнуть, потом поворачивается.

Анастасия Евгеньевна смотрит на него, потом на меня.

— Что-то случилось, да?

В её голосе уже нет сомнения. Только страх.

Я чувствую, как внутри всё сжимается в тугой узел. На секунду перевожу взгляд на Артёмова, и он едва заметно кивает, передаёт мне право начать.

Горло пересыхает.

— Анастасия Евгеньевна... — голос звучит глухо, и я делаю паузу. — Нам нужно обсудить с вами один важный момент, связанный с проведённой процедурой.

Она напрягается сильнее. Это видно по тому, как её плечи поднимаются, как пальцы снова сжимают край стола.

— Что-то не так? — спрашивает она тихо, но в голосе уже дрожь.

Я чувствую, как внутри всё протестует против того, что сейчас придётся сказать.

— Дело в том, что... — слова застревают, и я на секунду закрываю глаза, собираясь. — В ходе процедуры произошёл технический сбой.

Артёмов мягко подхватывает, будто заранее готов к тому, что мне будет сложно.

— Мы обнаружили несоответствие в используемом биоматериале, — говорит он спокойно, размеренно, как будто объясняет стандартную ситуацию.

Анастасия Евгеньевна переводит взгляд с него на меня.

— Несоответствие?..

— Да, — я киваю, стараясь удержать её взгляд. — Был

использован не тот образец, который вы выбирали.

Тишкова замирает.

На секунду в кабинете становится настолько тихо, что слышно, как за окном кто-то проезжает на машине.

— В каком смысле “не тот”?.. — шёпотом спрашивает она.

И вот тут начинается самое сложное.

— Вместо выбранного вами донора... был использован другой материал, — аккуратно формулирует Артёмов.

Она резко вдыхает, будто ей не хватает воздуха. Рука тянется к стакану, но не сразу находит его.

— Как... как это возможно?

Я смотрю на неё и вдруг ловлю себя на странном ощущении. Её реакция кажется мне наигранной. Может, я не права, и это всё стресс.

Страх есть, но как будто он... управляемый.

Я отгоняю эту мысль. Сейчас не время.

— Мы уже начали внутреннюю проверку, — продолжаю я, стараясь говорить максимально уверенно. — Выявляем, на каком этапе произошёл сбой.

— Сбой?.. — она поднимает на нас взгляд, в котором появляется что-то жёсткое. — Это вы так называете?

Артёмов чуть подаётся вперёд, голос остаётся спокойным, но в нём появляется больше веса.

— Анастасия Евгеньевна, мы понимаем, что ситуация крайне неприятная. И мы полностью берём на себя ответ-

ственность за произошедшее.

Она молчит, глядя на него.

— Мы хотим обсудить с вами возможные варианты дальнейших действий, — добавляет он. — И, прежде всего, постараться минимизировать последствия для вас.

— Минимизировать?.. — она усмехается, но в этой усмешке больше напряжения, чем иронии. — А если я не хочу ничего “минимизировать”?

Я чувствую, как внутри холодеет.

— Мы понимаем ваши эмоции, — тихо говорю я. — И вы имеете полное право на такую реакцию. Но давайте попробуем спокойно обсудить ситуацию.

Она отводит взгляд, делает глоток воды. На этот раз уже аккуратнее.

И это снова цепляет. Слишком быстро берёт себя в руки.

— И что теперь? — спрашивает она спустя пару секунд. — Что это значит для меня?

Артёмов отвечает сразу, чётко:

— Это значит, что вероятность наступления беременности сохраняется. Процедура была проведена корректно с технической точки зрения.

— Только не с тем материалом, — добавляет она тихо.

— Да, — соглашается он.

Она молчит, глядя в стол.

— То есть... — снова поднимает взгляд, — я могу забеременеть... неизвестно от кого?

Я невольно сжимаю пальцы под столом.

— Донорская программа изначально предполагает анонимность, — осторожно говорю я. — Личность донора не раскрывается.

Она внимательно смотрит на меня.

— Даже в такой ситуации?

На секунду я теряюсь.

Артёмов берёт слово:

— В стандартной практике — да. Но сейчас мы говорим о нестандартной ситуации, поэтому все решения будут приниматься с учётом ваших интересов и в рамках правового поля.

Она медленно кивает, будто переваривает услышанное.

— Понятно...

Пауза затягивается.

Я чувствую, как напряжение в кабинете становится почти осязаемым.

— А если я... — она делает паузу, подбирая слова, — захочу, чтобы ситуация получила огласку?

Артёмов не меняет выражения лица.

— Вы имеете право на любые действия, предусмотренные законом, — спокойно говорит он. — Но мы искренне надеемся, что сможем урегулировать ситуацию без привлечения сторонних инстанций.

Он делает акцент на последней фразе.

— Мы готовы предложить вам компенсацию, дополнительное медицинское сопровождение, — добавляю я, ста-

раясь звучать убедительно. — И полностью контролировать дальнейшее ведение, если вы решите продолжать попытки.

Она смотрит на меня. Долго.

И в этом взгляде снова мелькает что-то, от чего у меня по спине проходит холодок. Как будто она уже всё решила.

— Я подумаю, — говорит наконец.

Слишком спокойно для человека, которому только что сообщили такое.

У меня нарастает странное чувство. Что-то здесь не так. Но что именно, я пока не могу понять.

Глава 11 Ольга

Дверь за Тишковой закрывается тихо, почти беззвучно.

Я ещё несколько секунд смотрю в ту сторону, где она только что стояла, будто надеюсь, что она вернётся и скажет, что никакого суда не будет, она согласна на компенсацию.

Но, конечно, этого не происходит.

В кабинете становится непривычно тихо.

Я медленно выдыхаю и только сейчас чувствую, насколько была напряжена всё это время. Плечи ноют, пальцы дрожат.

— Спасибо... — говорю, не сразу находя в себе силы повернуться к Артёмову. — Правда.

Он отмахивается лёгким движением руки, подходит к столу, берёт ручку, крутит её между пальцами.

— Всё в порядке, Оль.

Слова правильные. Но я слишком хорошо его знаю, чтобы не уловить, что стоит за этим “в порядке”.

Он не меня сейчас поддерживал. Он клинику вытаскивал.

Я опускаюсь на стул, провожу ладонями по лицу.

— Скажите... — голос немного садится, — есть ли шансы, что она узнает, кто донор?

Артёмов смотрит на меня прямо.

— Нет.

— Это исключено?

— Практически, — он делает небольшую поправку, но тут

же добавляет: — Даже в суде маловероятно, что такую информацию раскроют. Донорские программы защищены.

Я киваю, но внутри всё равно беспокойно.

— То есть... вообще никак?

Он на секунду задумывается, потом пожимает плечами.

— Только если твой муж сам не захочет участвовать в процессе и не начнёт раскрывать информацию. Но, насколько я понимаю, это не тот случай.

Я невольно усмехаюсь.

— Не тот.

— Тогда можешь выдохнуть в этом плане, — говорит он уже мягче. — Мы сделаем всё, чтобы Тишкова молчала.

Я отмечаю это про себя, но не комментирую. Пауза затягивается.

Я прокручиваю в голове весь разговор, её реакции, паузы, взгляд. И чем больше думаю, тем сильнее меня царапает одно и то же.

— Мне показалось, она не сильно шокирована, — говорю наконец, поднимая взгляд. — Как-то... странно отреагировала.

Артёмов смотрит на меня чуть внимательнее.

— Согласен, Оль.

Я замираю.

— То есть вам тоже так показалось?

— Есть такое ощущение, — спокойно отвечает он. — Но это ничего не доказывает. Люди по-разному реагируют на

стресс.

Это логично и правильно, но легче от этого не становится.

Я подаюсь вперёд, упираясь локтями в стол.

— Давайте попробуем просмотреть записи с камер? Найдите что-то странное, необычное. Может, кто-то заходил в хранилище, кто не должен был...

Он сразу качает головой, даже не давая мне договорить.

— И кому ты это доверишь?

Вопрос звучит спокойно, но в нём слишком много смысла.

Я открываю рот — и закрываю. Некому. Если ошибка внутри отделения, значит, круг подозреваемых и так узкий.

И доверять каждому из них — уже проблема.

Я откидываюсь на спинку стула, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

— То есть мы просто... оставим это?

— Мы зафиксируем инцидент, — ровно отвечает он. — И будем работать с последствиями. Это сейчас приоритет.

Вот и всё. Он умывает руки. Не полностью, конечно. Но ровно настолько, чтобы не лезть глубже, чем необходимо.

Я встаю.

— Я лично всё просмотрю.

Он смотрит на меня пару секунд, оценивая. Потом пожимает плечами.

— Ну, тогда вперёд.

Нет ни поддержки, ни запрета. Только разрешение делать это на свой страх и риск.

Я возвращаюсь к работе, которая никуда не девается.

Слова пациенток проходят мимо, жалобы, вопросы, даже шутки — всё звучит будто издалека. Я киваю, что-то отвечаю, автоматически записываю назначения, проверяю анализы, но сама в это время снова и снова прокручиваю одно и то же.

Слишком спокойный взгляд Тишковой. Слишком собранный для человека, которому только что сообщили, что ей могли ввести материал неизвестного донора.

И это ощущение не отпускает.

Я ловлю себя на том, что начинаю искать подтверждения своим подозрениям буквально во всём. В её паузах, в интонациях, в том, как она держала стакан.

Это уже граничит с паранойей. Но остановиться не получается.

К концу дня я чувствую себя выжатой до предела. Когда за последней пациенткой закрывается дверь, я ещё пару секунд просто сижу, глядя в пустоту, потом резко встаю.

Хватит думать. Нужно делать.

Я спускаюсь на первый этаж, к охране. Там привычный полумрак, запах кофе и чего-то старого, давно впитавшегося в стены.

— Добрый вечер, — говорю, подходя к стойке.

— Добрый, Ольга Николаевна, — отзывается один из охранников, отрываясь от монитора. — Что-то случилось?

— Мне нужен доступ к записям с камер. Хранилище до-

норских материалов.

Он сразу напрягается, переглядывается с коллегой.

— Это через разрешение...

— Я знаю, — киваю. — Позвоните Артёмову, он в курсе.

Охранник берёт телефон, отходит чуть в сторону, говорит тихо, но я всё равно ловлю отдельные слова. “Да... Ольга Николаевна... камеры... хранилище...”

Я стою, сцепив руки, стараясь не выдать нетерпение.

Наконец он возвращается.

— Подтвердил. Сейчас откроем доступ.

Я коротко киваю.

Меня проводят в небольшую комнату с несколькими мониторами. Старый стул, стол, клавиатура, мышка — ничего лишнего.

— Вот здесь, — показывает он, — архив. Дата, время. Если что — зовите.

— Спасибо.

Дверь за ним закрывается, и я остаюсь одна. Сажусь,двигаюсь ближе к экрану.

Руки чуть дрожат, когда я открываю нужную папку.

Проблема в том, что я не знаю точный момент подмены. Только примерно, и день процедуры.

Я делаю вдох и решаю начать за два дня до неё. На всякий случай. Включаю запись, ставлю ускорение в два раза.

Картинка дёргается, люди двигаются быстрее, чем в жизни, двери открываются и закрываются, кто-то заходит, выхо-

дит, работает, уходит.

Сначала кажется, что так будет проще. Но уже через десять минут я понимаю — это иллюзия. Время всё равно тянется бесконечно долго.

Я всматриваюсь в каждое движение, в каждый вход и выход, пытаюсь уловить хоть что-то странное.

Кто зашёл не вовремя. Кто задержался дольше обычного. Кто оглянулся.

Кто...

Глаза начинают уставать, но я не позволяю себе отвлечься. Проматываю вперёд, потом возвращаюсь назад, если что-то кажется подозрительным.

Минуты складываются в часы, но ощущение, что я стою на месте.

И всё же внутри растёт странная уверенность. Если это не ошибка... То я это найду.

Телефон начинает вибрировать где-то рядом с клавиатурой. На экране — Рома.

Я на секунду закрываю глаза, собираюсь, и отвечаю.

— Да.

— Ты где? — голос у него уже без утренней резкости, но напряжение всё равно чувствуется.

Я перевожу взгляд на монитор, где люди продолжают двигаться в ускоренном режиме.

— В клинике.

— До сих пор? — он явно удивлён.

— Да. Я сегодня задержусь.

— Что случилось?

Я колеблюсь всего секунду. Смысла скрывать нет.

— Смотрю записи с камер в хранилище. Хочу понять, как это произошло.

На другом конце становится тихо.

— Сама?

— Да.

— Оль... — он вздыхает. — Может, я подъеду? Помогу.

Я качаю головой, хотя он этого не видит.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что это моя ошибка, — отвечаю тихо, но твёрдо. — И я должна сама разобраться.

— Это не только твоя проблема, — говорит он уже спокойнее.

Я на секунду закрываю глаза.

— Я знаю. Но... дай мне хотя бы попытаться.

Он молчит ещё пару секунд, потом коротко выдыхает.

— Ладно. Только не сиди там до ночи.

Я усмехаюсь уголком губ.

— Постараюсь.

— Позвони, когда будешь ехать домой.

— Хорошо.

Я сбрасываю вызов и снова поворачиваюсь к экрану.

Картинка всё так же мелькает, люди двигаются быстро,

почти неразличимо, но я уже начинаю улавливать ритм. Кто когда приходит, кто сколько времени проводит у холодильников, кто с кем пересекается.

И вдруг...

Я замираю.

Перематываю немного назад. Снова включаю.

Одна из лаборанток. Я знаю её. Лена. Работает давно, аккуратная, спокойная. Но сейчас...

Она стоит у холодильников слишком долго. Обычно всё занимает пару минут — взять пробирку, проверить, выйти. Она явно задерживается.

Я наклоняюсь ближе к экрану, будто это может помочь разглядеть детали.

Она открывает дверцу, что-то делает внутри, потом закрывает, но не уходит. Стоит. Смотрит. Снова открывает.

Я перематываю чуть назад и снова смотрю этот момент.

И ещё раз.

Может, совпадение. Может, ничего важного, но у меня растёт уверенность, что Лена не просто так провела столько времени у холодильников.

Глава 12 Ольга

Конечно, этой Лены в клинике уже нет.

Я бросаю взгляд на часы в углу экрана и только сейчас понимаю, сколько времени просидела в комнате охраны. Спина затекла, глаза режет от монитора, но усталость моментально отходит на второй план.

Потому что в голове уже всё сложилось.

Может, не до конца. Может, без доказательств. Но интуиция буквально бьёт набат, что я двигаюсь в правильную сторону.

Я быстро закрываю записи и выхожу из комнаты. Охранник что-то спрашивает мне вслед, но я только машу рукой:
— Спасибо, всё.

Возвращаюсь в холл к администраторам. Тут почти пусто, только уборщица возит шваброй по плитке да девушка на ресепшне лениво листает что-то в телефоне. И чего ей не идётся домой?

— Можно я на минуту зайду в систему? — спрашиваю, уже обходя стойку.

— Да, конечно, Ольга Николаевна.

Я захожу в рабочий аккаунт так быстро, что пальцы едва попадают по клавишам. Открываю расписание сотрудников, нахожу лабораторию.

У Лены завтра выходной. Зато Маша на смене с утра.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в экран несколько секунд.

Это значит, что смысла откладывать разговор до утра нет.

Да и как бы не получилось так, что каким-то образом через день новость дойдёт до неё, и она просто возьмёт отпуск. Или больничный. Или вообще исчезнет на неделю под каким-нибудь предлогом.

Струсит, что всё раскроется, и решит оттягивать неизбежное.

Я прекрасно знаю, как это бывает. Люди, которым есть что скрывать, внезапно начинают “болеть”, “уезжать к родственникам”, “не слышать телефон”.

Наверное, я слишком тороплю события. В конце концов, может, это просто мои подозрения, помноженные на стресс, недосып и желание найти хоть какое-то объяснение происходящему.

Но прямо сейчас я готова дать руку на отсечение, что Лена — та, кто подменил донорский материал. Причём не случайно.

Слишком долго она возилась у холодильников. Слишком нервно оглядывалась. Я пересматривала этот момент раза четыре и каждый раз убеждалась всё больше.

Открываю вкладку с информацией о сотрудниках. Адрес. Телефон. Контакты.

Есть.

Сердце начинает колотиться быстрее.

Я смотрю на время. Начало девятого.

Поздновато для визита, конечно. Но, если честно, время ещё детское. Пока доберусь, будет около девяти. Ничего страшного.

Сном младенца ей всё равно не спать. Если, конечно, совесть окончательно не атрофировалась.

Я быстро записываю адрес в телефон, хватаю сумку и выхожу из клиники.

На улице уже темнеет. Воздух влажный, прохладный, пахнет вечерним городом и недавним дождём.

Пока вызываю такси, ловлю себя на странной мысли.

А что я вообще собираюсь делать? Вломиться к ней домой и потребовать признания?

Это не допросная и не сериал про следователей. У меня нет доказательств. Только подозрения.

Но останавливаться уже поздно. Потому что если я сейчас поеду домой и попытаюсь переспать с этой мыслью, завтра просто сожру себя за бездействие.

Такси подъезжает быстро. Я сажусь на заднее сиденье, называю адрес и всю дорогу нервно кручу телефон в руках.

В голове бесконечно прокручивается один и тот же вопрос.

Зачем?

Зачем кому-то вообще понадобилось делать это?

Дом оказывается обычной серой многоэтажкой в спальном районе. Ничего примечательного. Облупившаяся крас-

ка на лавке у подъезда, тусклая лампочка над дверью, запах сырости и кошек.

Я выхожу из такси и несколько секунд просто стою, глядя на окна.

Ещё не поздно уехать. Сказать себе, что я перегнула. Что нельзя вот так вламываться к сотруднице домой на основании смутных подозрений.

Но потом перед глазами снова всплывает запись с камеры. Лена у холодильников.

Я решительно подхожу к домофону и нажимаю номер квартиры.

Гудки идут.

Когда я уже думаю, что она не ответит, динамик оживает. — Да?..

Голос сонный. Или испуганный.

— Лена, это Ольга Николаевна. Открой, пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Тишина. Потом какое-то невнятное:

— А... завтра можно?.. Уже поздно...

Я прикрываю глаза, вынуждая себя мобилизовать все силы.

— Нет, нельзя. Открой.

— Ольга Николаевна, я...

— Лена, — перебиваю уже жёстче, — либо ты сейчас открываешь сама, либо завтра этот разговор будет уже в клинике и не только со мной.

Снова молчание, потом короткий писк домофона.

Я толкаю дверь и захожу внутрь. Лифт, конечно, не работает.

Пока поднимаюсь по лестнице, сердце стучит так громко, что кажется, его слышно на весь подъезд.

Я сама не до конца понимаю, что надеюсь увидеть. Признание? Панику?

Или просто доказательство, что я всё это себе придумала.

Дверь в квартиру приоткрыта ещё до того, как я дохожу до нужного этажа.

Лена стоит на пороге, в домашней футболке и спортивных штанах. Бледная настолько, что это видно даже в полумраке подъезда.

Глаза огромные. Испуганные.

Это уже совсем не похоже на обычное удивление от позднего визита начальства.

— Здравствуйте... — выдыхает она.

Я прохожу внутрь без приглашения. Маленькая квартира, видно сразу. На кухне горит свет.

Лена закрывает дверь и остаётся стоять у неё, будто готова в любой момент сбежать.

— Лена, я хочу просто поговорить, — стараюсь говорить спокойно, хотя внутри всё натянуто как струна.

Она быстро кивает.

— Я... я не понимаю, о чём вы.

Я медленно снимаю плащ, кладу сумку на тумбу и пово-

рачиваюсь к ней.

— Тогда давай начнём с простого. Что ты делала в лаборатории позавчера вечером?

Она моргает.

— Работала...

— Это я знаю.

Лена нервно облизывает губы.

— Проверяла материалы... заполняла документы...

— Почему ты так долго находилась у холодильников?

Вот тут её лицо заметно меняется.

— Долго?..

— Я смотрела записи с камер.

Она сглатывает.

— Наверное, искала нужную пробирку...

— Лена, — перебиваю мягко, но твёрдо, — ты прекрасно знаешь, что поиск не занимает столько времени.

Она отводит взгляд.

Меня окончательно прошибает холодом.

Потому что невинные люди обычно сразу возмущаются. Спрашивают, что происходит. Злятся. А она боится.

— Ольга Николаевна, я честно... я ничего такого...

— Тогда посмотри на меня.

Она поднимает глаза не сразу.

В них неподдельная паника.

Я делаю шаг ближе.

— Ты подменила пробирки?

Лена резко втягивает воздух и молчит. Только губы начинают дрожать.

Мои хорошие,
Спасибо за ваше терпение♥️#

Возвращаюсь в строй с этой книгой, планирую выкладывать главы как обычно через день.

Ваша Софа

Глава 13 Ольга

— Только не увольняйте, Ольга Николаевна!

Голос у неё срывается почти на визг.

Я смотрю на Лену и чувствую, как внутри всё каменеет. Это паника человека, которого поймали за руку.

— Это не ответ на мой вопрос, — говорю тихо.

Она начинает суетиться, шарит руками по столу, по карманам, потом откуда-то вытаскивает бумажный платок и смачно сморкается в него, всхлипывая так, что у неё трясутся плечи.

Вся её собранность, которую я привыкла видеть в лаборатории, исчезла. Передо мной сейчас не уверенная лаборантка, а насмерть перепуганная женщина.

— У меня муж в долги влез, — тараторит она сквозь слёзы. — Платить нечем. Я просто не знаю, как быть! А тут предложили денег...

Я молчу.

Лена судорожно вытирает нос, размазывая тушь под глазами.

— Я не хотела это делать, но вы же понимаете, что Пашку моего могут убить, если он не вернёт! — голос снова срывается. — Я хотела как лучше-е-е...

Она заикается, плачет, дышит рвано, и выглядит это настолько плохо, что на секунду мне действительно становится

её жаль.

Где-то очень глубоко внутри я понимаю этот страх. Когда человек хватается за что угодно, лишь бы вытащить близкого из беды. Но легче мне от этого ни капли не становится.

Потому что она распорядилась чужими жизнями как разменной монетой. И моим браком тоже.

— Лена, а если бы кто-то материал твоего мужа отдал другой женщине?

Она вскидывает на меня мокрые глаза и вдруг нервно фыркает сквозь слёзы.

— Пф-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.